ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЕВРЕЯ.

I.

Раннее дѣтство.—Семейная обстановка.—Бѣдные бохуры.—Дядя богачъ.—Дѣдъ.—Способы обученія библіи и талмуду.—Лжетолкованія.—Жизнь въ деревнѣ.—Другой дѣдъ.—Бабушка.—Отецъ композиторъ.—Нищета.—Еврейская свадьба.—Дядя-шатунъ.

НАЧИНАЮ себя помнить съ четырехлѣтняго возраста. Сознаніе моего ранняго дѣтства почему-то связано у меня съ маленькимъ семейнымъ несчастіемъ. Отецъ мой случайно потерялъ на улицѣ четыре рубля. Событіе это, повидимому, причинило большое горе всему нашему семейству. Отецъ, помню, оплакивалъ потерю горючими слезами и нѣсколько дней подъ рядъ все ходилъ на поиски, надѣясь какъ нибудь найти деньги, а мать была страшно угрюма и зла; другіе же члены семьи все это время молчали и дрожали въ разныхъ углахъ.

Но надо сказать нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ и ихъ общественномъ положеніи. Отецъ, котораго помню съ 28-ми-лѣтняго его возраста, былъ средняго роста, очень худощавъ, съ замѣчательно тонкими и правильными чертами лица. Онъ могъ считаться красавцемъ, если бы не страшная близорукость, заставлявшая его постоянно морщиться и щуриться, что портило благородное выраженіе лица. Мать же, которая была на пять лѣтъ моложе отца, была совершеннѣйшимъ контрастомъ послѣднему: маленькая ростомъ, полная, румяная, со злыми, но умными и зоркими глазами,

вѣчно чѣмъ и кѣмъ нибудь недовольная, она приводила въ трепетъ всѣхъ дѣтей. Побаивался ея и отецъ.

Отецъ женился на ней, когда ему минуло 17 лѣтъ, а ей—13, при чемъ онъ уже былъ вдовцемъ. Отъ первой жены, умершей отъ холеры въ 1830 году, у отца дѣтей не было, а потому я никакого понятія о ней не имѣю; самъ же отецъ никогда о первомъ своемъ бракѣ не упоминалъ. Отъ второго же брака пошло обильное потомство: черезъ каждые два-три года являлся на свѣтъ ребенокъ. Я былъ третьимъ. Всѣхъ же дѣтей впослѣдствіи накопилось девять душъ: семь сыновей и двѣ дочери, не считая двухъ (кажется), умершихъ въ раннемъ дѣтствѣ. Жили мы въ Вильнѣ.

Общественное положеніе моихъ родителей было далеко не блестящее, но довольно почетное среди евреевъ. Имѣя въ числѣ своихъ предковъ и родственниковъ много ученыхъ раввиновъ, отецъ считался яхсонъ, т.-е. аристократомъ; никакого ремесла онъ не зналъ, а занимался съ самыхъ юныхъ лѣтъ изученіемъ талмуда и библіи, которую онъ зналъ въ совершенствѣ почти всю наизусть. До своей первой женитьбы онъ, какъ и всѣ другіе бѣдные бохуры (молодые люди), перебивался въ маленькихъ еврейскихъ мѣстечкахъ сѣверо-западныхъ губерній, живя въ молитвенныхъ домахъ и питаясь у разныхъ благотворителей, которые, по принятому обычаю, кормили молодыхъ людей по одному опредѣленному дню въ недѣлю. Такимъ образомъ, каждый юноша, занимавшійся въ молитвенномъ домѣ изученіемъ талмуда, имѣлъ въ теченіе недѣли семь хозяевъ.

Этотъ способъ пропитанія пріѣзжихъ юношей практиковался только до женитьбы скитальцевъ; но какъ только молодой человѣкъ вступитъ въ бракъ, все продовольствіе его, согласно брачному договору, принимаетъ на себя его тесть, который обязуется держать у себя молодыхъ въ теченіе опредѣленнаго срока. Въ это время молодой продолжаетъ заниматься изученіемъ талмуда, а юная его супруга присматривается къ окружающей жизни, изучаетъ какое нибудь ремесло или же предпринимаетъ, при содѣйствіи своихъ родителей, какую нибудь самостоятельную торговлю. Затѣмъ по окончаніи срока даровой жизни у тестя молодой человѣкъ или продолжаетъ свою науку, надѣясь достигнуть со временемъ положенія раввина, или же, въ крайней нуждѣ, дѣлается меламедомъ, т.-е. учителемъ дѣтей своихъ единовѣрцевъ. Но такъ какъ комплектъ учениковъ рѣдко превышаетъ 7—8 человѣкъ, а плата за обученіе получается самая ничтожная, отъ 10 до 20 рублей за полугодіе, то меламеды обыкновенно страшно бѣдствуютъ.

Мой отецъ, хотя и не былъ спеціально меламедомъ, такъ какъ у насъ въ домѣ не было хедера (домашней школы), но онъ занимался обученіемъ дѣтей у нихъ на дому. Мать имѣла ничтожную долю въ ничтожной торговлѣ зерновыми продуктами, кото-

рая давала ей отъ трехъ до четырехъ «злотовъ» (15 коп.) въ недѣлю.

Этихъ скудныхъ средствъ, конечно, было недостаточно для прокормленія довольно уже многочисленнаго семейства моихъ родителей. Но главнымъ подспорьемъ ихъ существованія былъ паекъ («кицве»), въ размѣрѣ двухъ рублей въ недѣлю, который отецъ получалъ отъ старшаго своего брата, извѣстнаго въ Вильнѣ ученаго, богача и благотворителя.

Объ этомъ дядѣ-богачѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ:

Дядя, рабби Мордхе-Лейзеръ, былъ старше моего отца лѣтъ на десять и пользовался громкой извѣстностью среди виленскихъ евреевъ. Онъ былъ, какъ бы солнцемъ, свѣтомъ и тепломъ котораго пользовались всѣ его родственники. Отецъ мой былъ извѣстенъ въ Вильнѣ лишь, какъ братъ «великаго» человѣка, а мы, дѣти, славились только, какъ племянники его. Дядя былъ центромъ нашего міра, и мы всѣ смотрѣли на него, какъ на недосягаемую величину.

Величіе же дяди состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что, благодаря случайно нажитому его женою состоянію, онъ ни въ комъ не нуждался, все время проводилъ за фоліантами талмуда и его комментаторовъ и жертвовалъ изъ своего достатка болѣе или менѣе значительныя суммы на благотворительныя дѣла виленскихъ евреевъ.

Смутная легенда ходила между нами, что жена дяди, весьма дѣловая женщина, купила дѣло какой-то рижской фирмы, торговавшей въ Вильнѣ москательными товарами и почему-то ликвидировавшей свои дѣла. Въ подвалѣ подъ магазиномъ случайно оказались значительные запасы разныхъ товаровъ, не вошедшихъ въ общую опись, которыми тетя завладѣла, и никто не заявлялъ никакой претензіи. Тетя умѣло повела торговлю, и черезъ нѣсколько лѣтъ у нея оказался весьма солидный для того времени капиталъ. Вскорѣ она умерла. Дядя, не имѣя никакого понятія о торговлѣ, ликвидировалъ дѣло жены, купилъ два каменныхъ дома и, сдѣлавшись рантьеромъ, всецѣло посвятилъ себя изученію талмуда и прослылъ ученымъ меценатомъ.

Въ то время, какъ всѣ евреи въ Вильнѣ считали его въ высшей степени щедрымъ и великодушнымъ благотворителемъ, такъ какъ ни одно общественное дѣло не обходилось безъ его помощи,— дядя съ ближайшими родными былъ крайне жестокъ и высокомѣренъ, никогда ихъ у себя не принималъ и даже не удостоивалъ разговоромъ. Этой участи не избѣгнулъ и его отецъ, мой дѣдушка, древній благочестивый старикъ, который также жилъ на иждивеніи своего сына, выдававшаго ему по 12 рублей въ мѣсяцъ.

Я хорошо помню этого дѣда нашего. Высокій, статный старикъ походилъ на патріарха. Жилъ онъ въ маленькомъ мѣстечкѣ Эй-

шишкахъ, Виленской губерніи, сплошь населенномъ евреями, въ которомъ какъ-то очутился и я, когда мнѣ было 6 или 7 лѣтъ. Какъ и всѣ его предки, дѣдъ только и зналъ, что талмудъ и его комментаторовъ. Семейной обстановки дѣда и домашней его жизни я вовсе не зналъ, но помню, что всѣ дни онъ проводилъ въ молитвенномъ домѣ, который въ еврейскихъ мѣстечкахъ служилъ для евреевъ и школой, и клубомъ, и мѣстомъ ночлега для бѣдныхъ школьниковъ.

И вотъ этотъ патріархъ, находясь въ постоянной зависимости отъ своего сына-первенца, благоговѣлъ передъ послѣднимъ, главнымъ образомъ, впрочемъ, потому, что онъ считалъ своего сына бо̀льшимъ знатокомъ талмуда, чѣмъ онъ самъ, его отецъ.

Когда, бывало, дѣдъ по какому либо случаю пріѣзжалъ въ Вильно, то останавливался не у сына-богача, а у насъ, такъ какъ дядя, въ высшей степени тщеславный, считалъ себя выше всѣхъ и не могъ помириться съ почестями, которыя онъ, по обязанности, долженъ былъ оказывать своему старику-отцу. Если, въ случаѣ непредвидѣнной необходимости, дѣдъ обращался къ своему старшему сыну съ просьбой о временной прибавкѣ пенсіи, то дядя выходилъ изъ себя, разъяренный бѣгалъ по своему кабинету, бросалъ на полъ все, что̀ ни попадалось ему подъ руку, и топталъ ногами письма дѣда, хотя въ концѣ концовъ исполнялъ просьбу.

Разсказывали, что, когда дядя получилъ письмо изъ Эйшишковъ, въ которомъ его извѣстили о смерти дѣда, то онъ, не замѣтивъ, что адресъ писанъ не рукою послѣдняго, но почему-то полагая, что дѣдъ обращается къ нему съ просьбою о прибавкѣ, бросилъ письмо на полъ и сталъ топтать его ногами, и лишь черезъ нѣсколько часовъ узналъ роковую вѣсть, которая, впрочемъ, болѣе обрадовала, чѣмъ огорчила его, избавивъ отъ назойливаго пенсіонера... Тѣмъ не менѣе, дядя продѣлалъ всѣ формальности траура у евреевъ, который выражается въ томъ, что ближайшіе родственники умершаго, прежде всего, надрываютъ, въ знакъ отчаянія, лацканъ сюртука, затѣмъ снимаютъ обувь, садятся на полъ, на которомъ и спятъ въ теченіе семи дней, и, кто въ состояніи, приглашаютъ или нанимаютъ 10 совершеннолѣтнихъ (старше 13 лѣтъ) молельщиковъ, въ присутствіи которыхъ, въ продолженіе тѣхъ же семи дней, соблюдающій трауръ совершаетъ обычныя утреннія и вечернія молитвы, къ которымъ прибавляется особая молитва «кадишъ», за упокой души усопшаго. Но замѣчательно при этомъ, что въ этой молитвѣ, говорящей о величіи Іеговы, ни слова не упоминается ни о покойномъ, ни о его душѣ...

Хотя мой отецъ по натурѣ своей былъ большой скептикъ, но онъ все-таки съ благоговѣніемъ говорилъ о своемъ старшемъ братѣ, главнымъ образомъ потому, что находился въ постоянной отъ него зависимости въ матеріальномъ отношеніи. Дядя жилъ въ своемъ

домѣ во второмъ этажѣ, а мы ютились въ крошечной квартиркѣ въ первомъ этажѣ, почему на нашемъ языкѣ святилище дяди называлось «верхомъ», такъ что если въ нашемъ семействѣ упоминалось выраженіе «на верху», то всѣ уже знали, что рѣчь идетъ о «хоромахъ» дяди. Насъ, впрочемъ, никогда туда не пускали, да и отецъ былъ тамъ рѣдкимъ гостемъ. Между братьями не было ничего общаго. Дядя смотрѣлъ на отца съ презрѣніемъ и ненавистью только за то, что послѣдній былъ бѣденъ и постоянно нуждался въ его помощи. И это—несмотря на то, что отецъ обучалъ его дѣтей и внуковъ! Такимъ образомъ, довѣряя отцу обученіе своихъ любимыхъ дѣтей, слѣдовательно, питая къ нему довѣріе и цѣня его познанія, дядя, тѣмъ не менѣе, никогда почти не разговаривалъ съ моимъ отцомъ, никогда не посѣщалъ его породственному, а бывалъ у насъ въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, на людяхъ, въ числѣ приглашенныхъ, на семейныхъ и религіозныхъ праздникахъ.

Когда отецъ являлся «на верхъ» къ дядѣ, то его принимала обыкновенно вторая жена дяди, женщина необычайной доброты, благотворительница и заступница передъ своимъ грознымъ мужемъ за всѣхъ бѣдныхъ его родственниковъ. Она поила его чаемъ, дозволяла ему уносить къ себѣ домой нѣсколько кусковъ сахару и ломтики бѣлаго, ситнаго хлѣба, что̀ считалось въ нашемъ семействѣ большимъ лакомствомъ. Въ извѣстные у евреевъ праздники хануке (въ память побѣды Макавеевъ) и пуримъ (въ память побѣды Эсѳири надъ Гаманомъ), когда принято одаривать родственниковъ, мы, ребята, являлись къ тетѣ, которая давала намъ по 3—4 гроша, и мы уходили домой счастливыми...

Когда я научился еврейской грамотѣ—не помню; знаю только, что четырехъ лѣтъ я уже сидѣлъ надъ библіею, а въ шесть лѣтъ меня уже мучили изученіемъ талмуда. Ученіе вообще начиналось съ безтолковаго повторенія за учителемъ первыхъ стиховъ Пятикнижія Моисея («Бытія»), которые, слово за словомъ, вдалбливались въ память дѣтей безъ всякаго осмысленнаго ихъ пониманія. Такъ, напримѣръ, учитель произноситъ громко: бе'решитъ, и поясняетъ на еврейскомъ жаргонѣ—въ началѣ, боро—сотворилъ, Элоимъ—Богъ, эсъ-га'шомоимъ—небо, в'еэсъ го'орецъ—землю, повторяя каждое слово по нѣскольку разъ. Ученики, какъ попугаи, выкрикиваютъ про себя тѣ же слова, и такъ по нѣскольку часовъ въ день.

Казалось бы, что отъ такого безтолковаго преподаванія ничего путнаго не можетъ выйти. Между тѣмъ, въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ, мальчики быстро усваивали тонкости конструкціи труднѣйшаго библейскаго языка, и не проходило пяти-шести мѣсяцевъ, какъ они сами уже свободно читали пройденное, понимая, какъ слѣдуетъ, глубокій смыслъ первыхъ главъ книги Бытія

и восторгаясь поэтическими легендами о потопѣ, жертвоприношеніи Авраама, встрѣчѣ Елеазара съ невѣстой Исаака, Ревеккой, изгнаніи Агари съ Измаиломъ, бѣгствѣ Якова, служеніи его у Лавана 14 лѣтъ за младшую дочь Рахиль и въ особенности исторіею Іосифа Прекраснаго.

Наши педагоги считали бы безумiемъ, если бы кто либо посовѣтовалъ имъ преподавать мальчикамъ 5—6 лѣтъ греческій языкъ прямо съ чтенія, положимъ, Платонова «Федона», безъ всякаго предварительнаго ознакомленія съ основными правилами греческой грамматики. Между тѣмъ результатомъ безтолковаго преподаванія древне-еврейскаго языка, не въ примѣръ труднѣйшаго, чѣмъ греческій, было то, что я и мои сверстники довольно быстро усвоили себѣ этотъ языкъ, а я, будучи семилѣтнимъ мальчикомъ, сочинялъ уже на древне-еврейскомъ языкѣ большую поэму въ стихахъ на тему библейскаго разсказа о приключеніяхъ персидской царицы Эсѳири и великаго визиря Гамана. Поэма, само собою разумѣется, была изъ рукъ вонъ плоха и впослѣдствіи была брошена мною въ огонь, но фактъ остается фактомъ, и врядъ ли можно встрѣтить гдѣ нибудь подобное явленіе, чтобы обыкновенныхъ способностей мальчикъ семи лѣтъ писалъ самостоятельно стихи на древне-греческомъ языкѣ, напримѣръ...

Но какъ ни плодотворно по результатамъ оригинальное преподаваніе библіи,—способъ преподаванія талмуда еврейскимъ мальчикамъ въ такіе юные годы нельзя не признать полнѣйшимъ абсурдомъ, что я испытывалъ на самомъ себѣ. Представьте себѣ, что въ семилѣтнемъ возрастѣ я уже проходилъ ученые трактаты талмуда о способѣ пріобрѣтенія законныхъ женъ и развода съ ними... «Женщина, т.-е. жена, гласитъ трактатъ Кедушинъ (обрученіе, вѣнчаніе), пріобрѣтается: деньгами, письменнымъ обязательствомъ и... сожитіемъ». Затѣмъ идутъ безконечныя толкованія о формахъ и обрядахъ этихъ способовъ заключенія законнаго брака. Узаконенія же о разводѣ между супругами еще болѣе сложны и запутаны. И все это вбивается въ юныя головы мальчишекъ семи-десяти лѣтъ!

Но объ этомъ писалось уже такъ много, что мои ламентаціи по поводу безобразнаго способа преподаванія талмуда ничего не прибавятъ и врядъ ли кого либо исправятъ. Не могу только при этомъ не объяснить примѣромъ, какъ дико и временами вредно талмудъ толкуетъ ясный смыслъ библейскаго текста, комментаріемъ котораго онъ является преимущественно.

Такъ, въ Исходѣ (гл. 23, ст. 19) сказано: «не вари козленка въ молокѣ матери его». Это же запрещеніе повторяется въ Пятикнижіи еще два раза (Второзак. гл. 14, ст. 21). Смыслъ этого запрещенія заключается въ томъ, чтобы не употреблять въ пищу козленка, т.-е. молодое животное, когда оно еще нуждается въ молокѣ ма-

тери. Это высокогуманное постановленіе Моисея имѣетъ въ своемъ основаніи жалость, pietas, къ юнымъ произведеніямъ природы, чтобы они не были истребляемы, прежде чѣмъ не насладились какой нибудь жизнью. Такое же гуманное начало встрѣчается еще въ нѣкоторыхъ другихъ постановленіяхъ Пятикнижія, напримѣръ, въ особомъ нѣжномъ отношеніи ко всѣмъ первенцамъ, которые принадлежатъ какъ бы Богу, въ запрещеніи употреблять первые плоды, приносимые молодыми деревьями, которые предписывается приносить въ жертву Богу.

Между тѣмъ составители талмуда именно вслѣдствіе троекратнаго повторенія упомянутаго запрещенія вывели заключеніе, что Моисей запретилъ употреблять всякое мясо вмѣстѣ съ какими бы то ни было молочными продуктами, при чемъ запрещается уже не только употребленіе мяса съ молочными продуктами, но и буквально вареніе или жареніе его и даже пользованіе имъ для какихъ бы то ни было цѣлей.

Такимъ образомъ, послѣдствіемъ ложнаго толкованія всѣми еврейскими учеными такого простого библейскаго текста явилась громадная, якобы ученая, литература по этому предмету, серьезно трактующая о всевозможныхъ случаяхъ смѣшенія мясныхъ продуктовъ съ молочными, о необходимости имѣть спеціальную посуду для тѣхъ и другихъ, о строгомъ запрещеніи малѣйшаго прикосновенія между ними, при чемъ установлено, что употребленіе молочныхъ продуктовъ даже въ чистомъ ихъ видѣ дозволяется лишь черезъ шесть часовъ послѣ мясной пищи, когда, по мнѣнію талмудическихъ физіологовъ и химиковъ, послѣдняя окончательно переварилась въ желудкѣ, а слѣдовательно, молочная пища не можетъ уже смѣшаться съ ней.

Легко себѣ представить, сколько стѣсненій и лишеній переносятъ изъ-за этихъ лжетолкованій несчастные евреи въ своемъ домашнемъ быту!

Но перехожу къ событіямъ моей жизни.

Отъ шести до восьми лѣтъ я провелъ въ деревнѣ, куда переѣхало наше семейство. Жили мы въ собственномъ имѣніи моей бабушки со стороны матери. Странное это было «имѣніе»! Оно находилось въ семи верстахъ отъ города Вильно и состояло изъ единственнаго деревяннаго дома и нѣсколькихъ мизерныхъ надворныхъ построекъ. Все «имѣніе» стояло открыто, но къ нему вела съ проѣзжей дороги тѣнистая липовая аллея, говорившая о лучшихъ, вѣроятно, дняхъ. Къ дому, въ которомъ было всего двѣ комнаты и кухня, прилегалъ, съ одной его стороны, маленькій фруктовый садъ, также ничѣмъ не огороженный.

«Имѣніе», или «маіонтокъ», принадлежало, какъ я говорилъ, моей бабушкѣ. На какомъ правѣ бабушка владѣла этой недвижимостью, не знаю. Только въ тѣ времена, хотя и Николаевскія,

евреямъ еще не было запрещено ни жить въ деревняхъ, ни владѣть земельной собственностью.

Но надо сказать нѣсколько словъ и о родителяхъ моей матери. Дѣдушку я помню совсѣмъ смутно. Евреи его звали Мееромъ «Рыжимъ», но настоящая его фамилія была Бояринъ. Откуда у стараго ортодоксальнаго еврея Сѣверо-Западнаго края явилась такая странная фамилія, остается для меня загадкой до настоящаго времени. Между тѣмъ, семейство Бояриныхъ, нашихъ родственниковъ, очень распространенное въ Вильнѣ. Чѣмъ занимался дѣдушка Бояринъ, также не знаю. Помню только, что онъ имѣлъ небольшой каменный домъ въ Вильнѣ, на Погулянкахъ, куда однажды насъ, дѣтей, привели прощаться съ умирающимъ дѣдомъ. Дѣдъ умеръ, а бабушка, имѣя богатыхъ сыновей, переѣхала жить къ намъ. Маленькая, сморщенная старушка, но крѣпкая здоровьемъ, бабушка Дина исполняла у насъ всѣ домашнія обязанности: она была и кухаркой, и горничной, и няней; она вынянчила всѣхъ насъ, при чемъ послѣдній изъ многочисленныхъ ея внуковъ или внучекъ всегда считался исключительнымъ ея любимцемъ. Временный фаворитъ всецѣло наполнялъ любвеобильное сердце бабушки, вытѣсняя изъ него всѣхъ другихъ, вчерашнихъ любимцевъ, которыхъ она ругала, проклинала и нерѣдко била. Но стоило поступить подъ ея крылышко новому внуку или внучкѣ, какъ бабушка переносила на него всю свою нѣжность, оберегая его отъ всякихъ непріятностей и защищая нерѣдко отъ гнѣва родителей.

Такъ вотъ въ «имѣніи» этой-то бабушки одно время жило наше семейство. Впрочемъ, надо сказать, что постояннымъ аборигеномъ хутора былъ только отецъ, да и мы, рабятишки, мать же жила въ городѣ возлѣ своей торговли, и только по пятницамъ, къ вечеру, приходила къ намъ, проводила у семейнаго очага весь день субботній, а въ воскресенье утромъ возвращалась пѣшкомъ же въ Вильно.

Не весело жилось намъ на хуторѣ! Лѣтомъ мы еще не такъ тосковали, ходили въ близлежащій лѣсъ за ягодами и орѣхами, иногда забирались въ нашъ садикъ, который былъ для насъ запрещеннымъ раемъ, потому что онъ отдавался въ аренду фруктовщикамъ за нѣсколько рублей въ годъ и строго оберегался отъ маленькихъ хищниковъ. Но осенью и въ особенности зимою, когда сугробы снѣга окружали домъ со всѣхъ сторонъ чуть ли не выше крыши, жизнь казалась намъ тоскливой и суровой. Бабушка еле-еле справлялась со скуднымъ хозяйствомъ внутри дома, а отецъ, слабый и хрупкій, самъ рубилъ дрова, таскалъ на тощихъ своихъ плечахъ воду изъ далекаго, находившагося подъ горою, колодца, обучалъ своихъ дѣтей и исполнялъ для всѣхъ окрестныхъ евреевъ религіозныя требы.

Нашъ домъ считался религіознымъ центромъ; у насъ однихъ была Тора, то-есть Пятикнижіе, писанное на пергаментѣ, почему окружные евреи собирались къ намъ по субботамъ и праздникамъ для совмѣстной молитвы, требующей присутствія 10-ти совершеннолѣтнихъ евреевъ, при чемъ мой отецъ, какъ ученый знатокъ библіи и талмуда, служилъ канторомъ, то-есть запѣвалой, читалъ положенный отдѣлъ Торы, за что получалъ отъ прихожанъ по нѣскольку грошей въ недѣлю.

Болѣе крупный заработокъ онъ получалъ въ іомимъ-ныроимъ (страшные дни), на еврейскій новый годъ и судный день, когда совершаются спеціальныя молитвы, требующія, по обычаю, согласнаго пѣнія съ хоромъ. Въ эти дни отецъ принималъ на себя обязанность не только кантора, но и композитора, сочиняя къ молитвенному тексту соотвѣтствующую, по его мнѣнію, мелодію. Нотъ отецъ не зналъ, почему, не имѣя возможности записывать своихъ композицій, онъ ихъ заучивалъ на память и заставлялъ выучивать и своихъ «помощниковъ», то-есть хоръ, состоявшій изъ насъ, двухъ крошекъ мальчишекъ. Можно себѣ представить, какое это было пѣніе и гармонія! Но отецъ, повидимому, былъ убѣжденъ въ сладости своего голоса и въ мелодичности и оригинальности своихъ композицій, которыми онъ немало гордился...

Кромѣ этого занятія, отецъ никакого ремесла не зналъ; въ сельскомъ хозяйствѣ онъ также никакого понятія не имѣлъ. Къ нашему «имѣнію» принадлежали нѣсколько морговъ земли, которые засѣвались рожью. Но кто ихъ обработывалъ, кто сѣялъ и жалъ, не знаю, такъ какъ у насъ не было ни работника, ни лошади и никакихъ земледѣльческихъ орудій. И не крестьяне же работали на насъ, потому что крѣпостное право было тогда въ полномъ своемъ расцвѣтѣ, и мужика негдѣ было нанимать.

Какая у насъ была нищета, можетъ служить поясненіемъ слѣдующій случай.

У насъ въ домѣ никогда не было ни молока, ни коровьяго масла; мясная пища употреблялась лишь по субботамъ и праздникамъ, и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ, фунта два-три на все семейство на три субботнія «пиршества» (шолешъ сэудесъ), при чемъ для жаренія употреблялось гусиное сало. И вотъ однажды домашній котъ, пронюхавъ, гдѣ находится лакомое блюдо, ухитрился стащить оставшееся въ маленькомъ горшкѣ гусиное сало. Отецъ былъ такъ пораженъ этимъ «несчастіемъ», что рѣшилъ убить похитителя. Замѣтивъ кота, онъ бросилъ его въ мѣшокъ и сталъ колотить мѣшкомъ объ стѣну. Котъ метался въ мѣшкѣ и отчаянно ревѣлъ, а отецъ еще больше свирѣпѣлъ, продолжая бить кота. Но наконецъ онъ не выдержалъ раздирающаго душу крика несчастнаго животнаго и бросилъ мѣшокъ объ полъ. Котъ, какъ бѣшеный, вырвался изъ мѣшка и удралъ, не догадавшись, конечно, за что былъ наказанъ...

Сознаюсь, что эта дикая расправа была ужасною жестокостью со стороны отца; но, право, трудно судить, кто больше былъ достоинъ сожалѣнія: несчастный ли котъ, или столь же несчастный отецъ, обыкновенно мягкій и добрый, пришедшій въ такую ярость изъ-за полуфунта гусинаго сала?..

Осталась также въ моей памяти одна еврейская свадьба, праздновавшаяся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ. Еврей-корчмарь выдавалъ свою молоденькую дочку лѣтъ 14—15 за мальчика лѣтъ 15—16. Такія свадьбы были не рѣдкость въ то время среди евреевъ. Но что это было за столпотвореніе! Въ одной, хотя и большой избѣ толкалось человѣкъ 40—50 приглашенныхъ; здѣсь совершались и свадебные обряды, здѣсь пировали и плясали, здѣсь играли на цымбалахъ, и говорились рѣчи, серіозныя, на текстъ библіи и талмуда, и шуточныя, въ риѳмахъ, здѣсь, наконецъ, происходилъ домашній спектакль въ честь новобрачныхъ. И что только не ставилось на импровизованной сценѣ! Были тутъ и генералы въ сусальныхъ эполетахъ, и баба-яга, и медвѣди, и всякія превращенія; но въ чемъ, собственно, была суть представленія, полагаю, и сами лицедѣи не знали. Тѣмъ не менѣе, всѣмъ было весело, всѣ были въ высшей степени заинтересованы, всѣ говорили, что свадьба вышла на славу.

Выдающимся событіемъ въ нашей деревенской жизни былъ пріѣздъ къ намъ дяди-шатуна, младшаго брата моей матушки, который почему-то считался выродкомъ въ нашей семьѣ. Впрочемъ, потому, вѣроятно, что онъ не хотѣлъ знать ни хедеровъ, ни талмуда, и съ самыхъ юныхъ лѣтъ шатался по разнымъ городамъ. Путешествія свои онъ совершалъ пѣшкомъ. Когда мы узнали, что онъ побывалъ даже въ Житомирѣ, то нашему удивленію не было границъ, потому что въ то время, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, Житомиръ считался для насъ чуть ли не краемъ свѣта.

И вотъ этотъ шатунъ, эготъ отщепенецъ, вдругъ, какъ снѣгъ на голову, явился къ намъ въ деревню. Мы, дѣти, смотрѣли на него, какъ на заморское чудо. Онъ былъ первымъ для насъ евреемъ, который одѣвался по-европейски; на немъ былъ приличный сюртукъ, черные брюки поверхъ сапоговъ, которые у него всегда блестѣли; онъ носилъ бѣлую крахмаленную манишку, бѣлый воротникъ и манжеты, что считалось верхомъ франтовства у евреевъ. Я глядѣлъ на него съ благоговѣніемъ и завистью. Долгое время онъ ничего не дѣлалъ. Несмотря на предосудительныя въ глазахъ ортодоксальныхъ евреевъ чужестранныя привычки дяди, онъ былъ любимцемъ бабушки, которая отдавала ему послѣдніе свои гроши. Но потомъ онъ сталъ заниматься выработкой изъ проволоки петель и крючковъ, которые носилъ для продажи въ городъ. Не велико же было богатство этого щеголя, если онъ добывалъ себѣ пропитаніе этимъ ремесломъ, думалъ я.

Вскорѣ, однако, дядя какъ-то вдругъ исчезъ съ нашего горизонта. Встрѣтился я съ нимъ снова лѣтъ черезъ 20-ть, при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ рѣчь впереди. Онъ впослѣдствіи игралъ немалую роль въ моей жизни.

II.

Переѣздъ въ Вильно.—Раввинское училище.—Мой старшій братъ.—Болѣзнь.—Эпизодъ изъ жизни брата.—Выходъ изъ училища.—Городъ Миръ.—Прогрессивное движеніе.—Запрещенныя книжки.—Пробы пера.

Какъ и почему наше семейство снова очутились въ Вильнѣ—не помню; знаю только, что бабушка продала свое «имѣніе», однако, питая особую страсть къ землѣ, къ «своему» углу, она купила невдалекѣ отъ Вильны какую-то хижинку въ лѣсу, куда и переселилась; но здѣсь для нашего семейства мѣста уже не нашлось.

Не помню также, какъ я, на девятомъ году, оказался вдругъ ученикомъ перваго класса виленскаго раввинскаго училища. Требовался ли какой нибудь экзаменъ при вступленіи въ это училище, и держалъ ли я этотъ экзаменъ,—рѣшительно не помню,—знаю только, что въ одинъ прескверный день я очутился среди малышей, учениковъ 1-го класса, въ большой, свѣтлой комнатѣ, на второй школьной скамьѣ.

Но объ этомъ училищѣ надо сказать нѣсколько словъ. При учрежденіи его имѣлось въ виду воспитать для евреевъ образованныхъ казенныхъ раввиновъ и учителей для городскихъ еврейскихъ училищъ. Курсъ ученія въ раввинскомъ училищѣ былъ 8-ми-лѣтній, въ полномъ объемѣ нашихъ гимназій, за исключеніемъ лишь латинскаго языка, который, кажется, въ то время не былъ обязателенъ и въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Зато были обязательны нѣмецкій и древне-еврейскій языки, изученіе библіи и нѣкоторыя свѣдѣнія о талмудѣ, а также основныя правила еврейской религіи по сочиненіямъ: «Хасъ-Одомъ» (Жизнь человѣка) и «Шульханъ-Орухъ» (Открытый столъ), въ которыхъ вкратцѣ и систематически изложены главныя основанія Моисеева закона и этики.

Во главѣ училища стоялъ директоръ, христіанинъ; помощникъ инспектора и всѣ учителя общихъ предметовъ—также русскіе, и пользовались правами государственной службы. Только инспекторъ да преподаватели чисто еврейскихъ предметовъ были евреи, при чемъ инспекторъ никакой властью не былъ облеченъ и назначался лишь для почета изъ выдающихся виленскихъ евреевъ. Преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, кромѣ лишь спеціальныхъ еврейскихъ предметовъ.

При училищѣ, занимавшемъ большой каменный домъ, было общежитіе, въ которомъ содержалось на казенный, т.-е. еврейскій, счетъ опредѣленное число наиболѣе способныхъ учениковъ; въ ихъ числѣ былъ и мой старшій братъ, извѣстный впослѣдствіи въ медицинскомъ мірѣ авторъ обширнаго историческаго сочиненія.

Какъ попалъ туда мой братъ — не знаю, тѣмъ болѣе, что у ортодоксальныхъ евреевъ, какими были мои родители, раввинское училище считалось разсадникомъ свободомыслія и безвѣрія, и никто изъ нихъ туда своихъ дѣтей не отдавалъ. Главнымъ мотивомъ отдачи своего первенца въ это нечестивое заведеніе было, вѣроятно, освобожденіе учениковъ раввинскаго училища отъ воинской повинности, которая, по тогдашнему суровому режиму Николаевскихъ временъ, была страшна не однимъ евреямъ, а для послѣднихъ, не знавшихъ ни русскаго языка, ни русскаго быта, считалась величайшимъ несчастіемъ. Немалымъ побужденіемъ у моихъ родителей, должно быть, служило желаніе избавиться отъ лишняго рта, тѣмъ болѣе, что братъ мой, въ видѣ особаго исключенія, былъ принятъ на казенный счетъ съ перваго же класса.

Изъ еврейскихъ предметовъ я былъ приготовленъ лучше другихъ, но русская рѣчь была тогда для меня совершенно чужда, а потому я ровно ничего не понималъ на урокахъ общихъ предметовъ; но вскорѣ я сталъ дѣлать замѣтные успѣхи, и усвоилъ бы русскій языкъ вполнѣ, если бы не постигшая меня тяжелая болѣзнь.

Я былъ приходящимъ ученикомъ. Ежедневно, въ 4—5-ть часовъ утра, я отправлялся въ училище къ брату, который помогалъ мнѣ приготовлять уроки, и въ эти-то экскурсіи, зимою, одѣтый весьма легко, я сильно простудился и схватилъ горячку. Я пролежалъ дома, въ нищенской обстановкѣ, болѣе трехъ мѣсяцевъ, и все это время былъ почти безъ сознанія. Когда, благодаря крѣпкому организму, я наконецъ выздоровѣлъ и явился въ училище, то учителя меня не узнали и спрашивали: кто такой?

Послѣ болѣзни я недолго пробылъ въ училищѣ. Родители мои, кажется, приняли мою болѣзнь за наказаніе свыше за посѣщеніе богопротивнаго заведенія, почему взяли меня оттуда и снова посадили за талмудъ.

— Достаточно,—говорилъ отецъ,—что одинъ сынъ у насъ безбожникъ, и горе намъ будетъ, если и другой (т.-е. я) будетъ гой (отступникъ отъ еврейской вѣры).

Странныя были отношенія моихъ родителей къ старшему своему сыну! Находясь въ общежитіи раввинскаго училища, онъ крайне рѣдко посѣщалъ родительскій домъ; родители же никогда его не навѣщали въ раввинскомъ училищѣ. Когда, бывало, на большіе еврейскіе праздники братъ и явится домой, то онъ чувствовалъ себя какъ бы чужимъ, постоянно былъ молчаливъ и

угрюмъ. Родители, считая его погибшимъ для еврейской религіи, точно стыдились его, терпѣли, какъ неизбѣжное зло, никогда не привѣтствовали, не ласкали, въ особенности же мать, несмотря на то, что онъ былъ весьма способный и трудолюбивый ученикъ, тихій и скромный и, главное, ничего имъ не стоилъ.

При этомъ кстати будетъ разсказать слѣдующій эпизодъ изъ жизни моего брата, характеризующій въ то же время отношенія къ нему родителей.

Братъ былъ въ шестомъ классѣ, когда училище праздновало первое десятилѣтіе своего основанія. На торжествѣ, кромѣ учебнаго начальства съ попечителемъ округа во главѣ, присутствовалъ генералъ-адъютантъ Назимовъ, бывшій въ то время виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Трое изъ лучшихъ воспитанниковъ училища должны были произнести по этому случаю рѣчи на русскомъ, нѣмецкомъ и древне-еврейскомъ языкахъ. На долю брата выпало говорить рѣчь на русскомъ языкѣ. Генералъ Назимовъ, выслушавъ эту рѣчь, не повѣрилъ сначала, что это говоритъ еврейскій мальчикъ, но когда попечитель округа подтвердилъ это, то генералъ-губернаторъ подозвалъ брата къ себѣ, расцѣловалъ его при всей публикѣ и пожелалъ ему усовершенствоваться въ наукахъ и всякихъ успѣховъ въ жизни.

Вѣсть объ этомъ облетѣла все еврейское населеніе Вильны, и многіе приходили поздравить нашихъ родителей съ такимъ неслыханнымъ торжествомъ ихъ сына. Но простые, религіозные евреи нисколько не были польщены этимъ отличіемъ и наивно высказали, что если бы ихъ сынъ одержалъ такую побѣду въ области талмуда, то тогда они считали бы себя гораздо счастливѣе...

Пробывъ въ раввинскомъ училищѣ «безъ году недѣлю», я, понятно, ничего нужнаго оттуда не вынесъ, ни элементарнаго понятія о жизни и внѣеврейскихъ интересахъ, ни даже правильнаго чтенія по-русски. Единственное сильное впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ училища за короткое время моего пребыванія въ немъ,—это было публичное наказаніе розгами одного ученика 3-го класса, верзилы лѣтъ 16-17-ти.

Дѣло вышло такъ. Этотъ ученикъ, ужаснѣйшій шалунъ и лѣнтяй, устроилъ одному учителю-еврею во время урока кошачій концертъ. Какъ только урокъ кончился, учитель отправился пожаловаться прямо къ директору. Послѣдній, не убѣдившись даже въ справедливости жалобы и не выслушавъ оправданія ученика, приказалъ немедленно выдрать его тутъ же на дворѣ, при всѣхъ ученикахъ. Шалунъ завертѣлся, сталъ просить прощенія у учителя, умолялъ помощника инспектора походатайствовать за него, но, разумѣется, ничего не помогло. Явились четыре сторожа съ громадными пучками розогъ для исполненія экзекуціи. Блѣдный, какъ смерть, преступникъ умолялъ присутствовавшаго тутъ же

директора о помилованіи; наконецъ, онъ заявилъ, что выходитъ изъ училища совсѣмъ, но директоръ остался непреклоненъ. Преступника раздѣли, положили на землю, покрытую снѣгомъ; два сторожа держали его за голову и руки, а двое наносили удары. Несчастный кричалъ, что есть мочи, а могучіе удары со свистомъ такъ и сыпались на обнаженное тѣло, пока оно не было исполосовано до крови. Наконецъ, директоръ крикнулъ: довольно! и равнодушно, въ сознаніи исполненія своей обязанности, удалился. А наказанный ученикъ, приведши трясущимися руками свой туалетъ въ порядокъ, выбѣжалъ, какъ бѣшеный, на улицу и больше въ училище уже не вернулся.

Вскорѣ послѣ выхода изъ училища я очутился въ маленькомъ еврейскомъ городкѣ Минской губерніи, Мирѣ, гдѣ тогда процвѣтала еврейская семинарія (іешиба), въ которой обучалось около двухсотъ еврейскихъ мальчиковъ. Но прежде чѣмъ опишу эту замѣчательную въ многихъ отношеніяхъ «іешибу» и тогдашніе ея порядки, хочу сказать нѣсколько словъ о начавшемся тотчасъ по воцареніи императора Александра II прогрессивномъ движеніи среди евреевъ.

Движеніе это, впрочемъ, перешло къ русскимъ евреямъ изъ-за границы. Тамъ стали издаваться на древне-еврейскомъ языкѣ литературно-политическія газеты, въ которыхъ помѣщались обозрѣнія европейской политики, всякія «злобы дня» изъ еврейской жизни, философскія и этическія разсужденія объ основахъ еврейства и талмуда и статьи по естествоэнанію. Газеты эти были болѣе всего распространены среди русскихъ евреевъ. Одновременно съ газетами, стали появляться какъ за границей, такъ и въ Россіи, разныя «книжечки» прогрессивнаго содержанія. Были между ними и стихи, и историческіе разсказы, и оригинальные романы изъ еврейскаго быта, и біографіи знаменитыхъ людей, и путешествія, и популярныя свѣдѣнія по математикѣ, астрономіи, химіи и физіологіи, наконецъ—переводные романы. Достаточно сказать, что даже знаменитый романъ Э. Сю «Парижскія тайны», столь чуждый духу еврейской литературы, нашелъ прекраснаго и изящнаго переводчика, въ лицѣ извѣстнаго еврейскаго писателя Кольмана Шульмана. И удивительнѣе всего, что даже «Телемакъ» Фенелона, еще болѣе чуждый еврейскому духу своими миѳологическими богами, богинями, нимфами и греческими героями, былъ переведенъ на священный библейскій языкъ.

Еврейская молодежь, понимавшая этотъ языкъ, набросилась на эти «книжечки» и читала ихъ съ восторгомъ, но большею частью тайно, потому что онѣ считались запрещеннымъ плодомъ среди ортодоксальныхъ евреевъ, справедливо находившихъ, что «книжечки» отвлекаютъ молодежь отъ единственнаго достойнаго и богоугоднаго занятія, изученія талмуда, и распространяютъ всякую

ересь... Я также сильно увлекался этими «книжечками» и подвергался за чтеніе ихъ разнымъ преслѣдованіямъ. Но, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, чѣмъ больше меня преслѣдовали, тѣмъ больше я, въ 10—11 лѣтъ, предался этой страсти, и въ тайнѣ отъ родителей сталъ даже самъ кропать на древне-еврейскомъ языкѣ разные стишки «по случаю» и даже началъ было «сочинять» романъ.

III.

Мирская семинарія.— Ея главари.— Школа-молельня.—Гигіеническія условія.— Доходы семинаріи.—Пайки ученикамъ.—Способъ преподаванія.—Распредѣленіе времени.—Порядокъ полученія пайка.—Ночныя молитвы и посты.—310 окунаній.—Болѣзнь и лѣченіе.—Смерть товарища.— Проповѣдники.—Какъ они вознаграждались. — Публичное ошельмованіе. — Я оставляю семинарію. — Городокъ Столбцы.—Я устроился.—Духовные раввины.— Способъ распространенія книгъ.— Романъ.—Интеллигентная семья.—Страсть къ пѣнію и музыкѣ.

Мирская семинарія, о которой я упомянулъ выше, была въ полномъ расцвѣтѣ въ 1850-хъ годахъ. Она не пользовалась такой среди евреевъ славой, какъ главная «іешиба» въ мѣстечкѣ Воложинѣ Минской же губерніи, но все же имѣла громкую извѣстность и тоже высоко уважалась. Преподавали въ семинаріи исключительно талмудъ. Но въ то время, какъ во главѣ воложинской іешибы стояли первоклассные, прославленные еврейскіе ученые раввины, и на содержаніе ея русскіе и иностранные евреи жертвовали большія суммы, — мирская семинарія, служившая, собственно говоря, какъ бы приготовительнымъ заведеніемъ для поступленія въ воложинскую, находилась въ мое время подъ руководствомъ мѣстнаго духовнаго раввина и его помощника.

Первый былъ очень высокій и красивый старикъ, добродушный и весьма недалекій. Онъ, впрочемъ, рѣдко преподавалъ въ іешибѣ. Главнымъ же и единственнымъ руководителемъ іешибы былъ его помощникъ, маленькій, сухой человѣкъ лѣтъ 35, чрезвычайно живой и нервный, проницательный и злой. Его маленькая фигурка съ козлиной бородкой, съ пронизывающими острыми глазами, наводила какой-то трепетъ на всѣхъ учениковъ.

Семинарія помѣщалась въ одной лишь большой комнатѣ, которая въ то же время служила молитвеннымъ домомъ для многихъ прихожанъ. Учениковъ было, какъ я сказалъ выше, около 200, изъ которыхъ многіе, не имѣя своего угла, жили и спали въ школѣ-молельнѣ. Можно себѣ представить, какія были гигіеническія условія, въ которыхъ росло и воспитывалось это юное еврейское поколѣніе! Неудивительно, что большинство учениковъ страдало чесоткой и другими прилипчивыми болѣзнями.

Такъ какъ громаднѣйшее большинство учениковъ были изъ дѣтей бѣднѣйшихъ евреевъ, а бѣдный городокъ Миръ не въ состо-

яніи былъ ихъ прокормить, то ученикамъ выдавались отъ семинаріи ежемѣсячные пайки въ размѣрѣ отъ 75 копеекъ до 3 рублей. Размѣръ пайка зависѣлъ, во-первыхъ, отъ степени аристократическаго происхожденія отца даннаго ученика, т.-е. принадлежалъ ли онъ къ ученому сословію, или къ ремесленному; во-вторыхъ, отъ степени участія родного города ученика въ сборахъ на содержаніе мирской іешибы и, въ-третьихъ, отъ благонравія и успѣховъ учениковъ.

Іешиба не имѣла никакихъ опредѣленныхъ доходовъ и содержалась на доброхотныя пожертвованія, которыя ежегодно собирали для нея спеціальные сборщики (мшулохимъ) у благотворителей. Но пожертвованія были весьма скудныя, потому что богатые евреи съ бо̀льшей охотою давали на воложинскую семинарію, которая пользовалась бо̀льшимъ авторитетомъ.

Мой отецъ не былъ раввиномъ и, кромѣ того, изъ Вильны были въ Мирѣ еще три ученика, поэтому мнѣ назна̀ченъ былъ наименьшій паекъ, т.-е. 75 копеекъ въ мѣсяцъ. Разумѣется, на эту сумму прожить мѣсяцъ было невозможно, поэтому родители должны были поддерживать меня, высылая отъ 1 до 2-хъ рублей въ мѣсяцъ, на которые я жилъ впроголодь.

Перехожу къ самой сути, т.-е. къ способу преподаванія талмуда въ мирской іешибѣ. Но для характеристики его достаточно сказать, что ученики были разныхъ возрастовъ, отъ 10-ти до 20-ти лѣтъ, разныхъ способностей и разной подготовки, между тѣмъ для всѣхъ учениковъ назначался одинъ урокъ чтенія и объясненія опредѣленнаго листа изъ опредѣленнаго трактата талмуда... Ежедневно, ровно въ 12 часовъ дня, помощникъ раввина садился за маленькій столъ, открывалъ очередной листъ трактата и начиналъ его читать и объяснять. Преподавателя со всѣхъ сторонъ окружали болѣе ревностные и свѣдущіе ученики, которые съ величайшимъ вниманіемъ слушали хитроумные комментаріи учителя, задавая вопросы, вмѣшивались въ споры,—громаднѣйшее же большинство учениковъ, въ особенности тѣ, которые помоложе, вовсе не слушали лекціи, которой они не поняли бы, если бы и могли разобрать чтеніе и объясненіе преподавателя, не справлявшагося, какъ я сказалъ выше, ни съ возрастомъ, ни съ подготовкой учениковъ.

Впрочемъ, слушаніе урока вовсе не было обязательно дла воспитанниковъ. Время чтенія лекціи ученики считали самымъ свободнымъ для себя, и они пользовались имъ для своихъ надобностей. Главная же обязанность учениковъ состояла въ зубреніи, въ теченіе 12-ти часовъ въ сутки того или другого трактата талмуда, подъ наблюденіемъ преподавателя, который постоянно присутствовалъ въ помѣщеніи школы и зорко слѣдилъ за учениками. Обыкновенно, одинъ фоліантъ талмуда выдавался двумъ ученикамъ, которые назывались «товарищами», и которые обязаны были, въ

теченіе всего семестра, сидѣть рядомъ, долбить вслухъ и нараспѣвъ данный имъ трактатъ, хотя бы они ничего въ немъ не понимали.

Ученіе начиналось обыкновенно въ 6 часовъ утра и продолжалось до 8. Отъ 8 до 9 совершалась утренняя молитва, на которую собирались и прихожане, отъ 9 до 10 — завтракъ, отъ 10 до 12—опять долбленіе талмуда; въ 12 часовъ чтеніе урока преподавателемъ, которое обыкновенно продолжалось до 2-хъ часовъ; отъ 2 до 4—обѣдъ и отдыхъ, отъ 4 до 6—общія занятія, отъ 6 до 7—молитва, отъ 7 до 9—общія занятія, наконецъ, въ 9 часовъ—вечерняя молитва и отдыхъ, и такъ изо дня въ день.

Можно себѣ представить переутомленіе учениковъ при такомъ режимѣ, въ особенности, въ такой тѣснотѣ и духотѣ и при такомъ скудномъ питаніи! Неудивительно, что всѣ почти ученики мирской іешибы были измученные, блѣдные и малокровные, какіе-то робкіе и пришибленные подъ гнетомъ помощника раввина, суроваго преподавателя, который ежедневно по цѣлымъ часамъ дѣлалъ круги по школѣ, слѣдя за тѣмъ, чтобы ученики не занимались разговорами, а безпрестанно долбили талмудъ.

Самымъ мучительнымъ моментомъ для меня, по крайней мѣрѣ, былъ день раздачи ученикамъ ежемѣсячнаго пособія, которую производилъ тотъ же угрюмый помощникъ раввина, и которая сопровождалась цѣлымъ церемоніаломъ. Помощникъ уединялся въ маленькую комнатку, пристроенную къ школѣ, забравъ съ собою мѣшки съ мѣдными деньгами и одного изъ учениковъ для счета ихъ. Передъ грознымъ учителемъ лежалъ списокъ ученикамъ, которымъ предстояла выдача, а ученикъ-ассистентъ раскладывалъ кучки отъ 75 копеекъ до 3 рублей. Но никто изъ пенсіонеровъ не былъ увѣренъ въ полной получкѣ пайка.

Дѣло въ томъ, что учителю предоставлено было право убавлять (но не прибавлять) назначенное пособіе по своему усмотрѣнію и даже лишать его совсѣмъ провинившагося чѣмъ нибудь ученика: за разговоры во время общаго ученія, за малое усердіе во время молитвы, за всякую шалость. Поэтому ученики со страхомъ и трепетомъ входили въ мрачную коморку, не зная, чѣмъ рѣшится ихъ судьба. Если ученикъ выходилъ изъ судилища веселый и торжествующій, это значитъ, что онъ получилъ пособіе въ полномъ размѣрѣ; если же кто выскочитъ изъ коморки блѣдный, со скрежетомъ зубовнымъ,—значитъ, произошли выговоры и вычеты.

Мнѣ часто приходилось подвергаться подобнымъ «дисциплинарнымъ» взысканіямъ, и вмѣсто 75 копеекъ я получалъ иногда 40 и 30 копеекъ, которымъ все же былъ радъ.

Хотя для моихъ лѣтъ—во время пребыванія въ мирской іешибѣ мнѣ было около 12 лѣтъ—я могъ считаться способнымъ и много-

знающимъ ученикомъ, но многіе превосходили меня и способностями, и знаніемъ талмуда, они считались «илуимъ» (возвышенными), и я имъ крѣпко завидовалъ. Всѣ мы, ученики, вѣрили, что путемъ горячихъ молитвъ и продолжительныхъ постовъ можно вымолить у Бога «просвѣтленіе» головы, послѣ чего вся премудрость талмуда и его комментаторовъ легко, безъ всякаго труда откроется просвѣтленному уму просящаго. Многіе ученики, какъ разсказывали, прибѣгали къ слѣдующему способу: обрекши себя на двухсуточный постъ, въ теченіе котораго не брали въ ротъ никакой пищи, ни даже капли воды, они на ночь запирались въ синагогѣ, открывали священную скинію (орынъ-койдемъ), брали въ руки священный свитокъ Торы (Пятикнижія Моисея), писанной на пергаментѣ, и въ совершенномъ одиночествѣ проводили всю ночь въ рыданіи и молитвахъ о просвѣтленіи ихъ ралума, послѣ чего они дѣлались великими учеными и глубокими знатоками талмуда.

Попробовалъ было и я продѣлать всю эту процедуру, но не могъ выдержать ни двухсуточнаго строгаго поста, ни страшной мысли о томъ, что долженъ буду остаться одинъ на всю ночь въ синагогѣ, почему послѣ 30-ти-часового поста я долженъ былъ отказаться отъ совершенія великаго подвига... Такъ я и не «просвѣтлѣлъ» окончательно, и изъ меня не вышелъ великій ученый раввинъ.

Но въ то же время я вздумалъ продѣлать другое подвижничество, которое чуть не стоило мнѣ жизни.

По еврейскому повѣрію, кто наканунѣ «іомъ-кипуръ» (суднаго дня) совершитъ «шай-іволосъ» (310 окунаній) въ проточную воду, тотъ уже навѣрное попадетъ послѣ смерти въ царство небесное «праведникомъ». Желая заручиться этимъ вѣрнымъ пропускомъ въ рай, я наканунѣ суднаго дня отправился къ рѣкѣ, текущей у мѣстечка Мира, для совершенія 310 окуна[illegible]. Судный день выпадаетъ у евреевъ обыкновенно въ послѣдніе числахъ сентября, когда наступаютъ утренніе заморозки, а на рѣчкахъ образуется тонкій слой льда. Такъ было и въ злополучный для меня день. Но это обстоятельство меня не остановило. Жажда духовнаго очищенія превозмогла непріятную перспективу принять ледяную ванну. Быстро раздѣвшись, я бросился въ студеную рѣчку и два-три раза окунулся съ головою въ воду. Почувствовавъ страшный холодъ во всемъ тѣлѣ, я все еще храбрился, еще нѣсколько разъ окунулся въ воду и думалъ, что мнѣ удастся совершить всѣ 310 окунаній, но на 9-мъ я остановился. Тѣло мое посинѣло, дыханіе сперло, и я, весь дрожа, выскочилъ на берегъ, отказавшись до поры до времени отъ царства небеснаго. Наскоро одѣвшись, я побѣжалъ, что есть мочи, въ школу. Здѣсь я согрѣлся и подкрѣпилъ свои силы. Заговѣвшись до захода солнца на великій, обязательный для всѣхъ евреевъ постъ, продолжающійся 24 часа въ бдѣніи и молитвахъ,

я его сносно, сравнительно, выдержалъ, но на слѣдующій день почувствовалъ сильнѣйшую боль въ животѣ, такъ что не могъ устоять на ногахъ и слегъ. Очевидно, я сильно простудилъ всю полость живота. Со мною сдѣлались судороги, и я страшно кричалъ отъ нестерпимой боли. Меня на рукахъ перенесли въ маленькую комнатку, служившую по субботамъ и праздничнымъ днямъ молельней для женщинъ, а въ будни — пріемнымъ покоемъ, и уложили на деревянную скамейку безъ всякаго матраца. Кто-то ушелъ за фельдшеромъ.

Вскорѣ явился какой-то засаленный старый еврей, который ощупалъ меня и глубокомысленно рѣшилъ, что необходимо поставить на животъ 30 банокъ. Черезъ часъ я былъ уже облѣпленъ банками, предварительно изрѣзанный острой бритвой.

Несмотря на обиліе выпущенной крови и на нестерпимую боль отъ впившихся въ тѣло банокъ, мнѣ стало легче. Внутренняя боль уступила внѣшней. Черезъ два дня я совершенно поправился. Молодой, здоровый отъ природы организмъ все выдержалъ: и 30-тичасовой постъ, и ледяныя ванны, и варварскія банки.

При ішибѣ спеціальнаго пріемнаго покоя не было, не существовало также никакой правильной медицинской помощи, да, кажется, во всемъ Мирѣ тогда и доктора не было; всѣ болѣзни лѣчились банками, однако ученики, несмотря на ужасныя гигіеническія условія и плохое питаніе, рѣдко хворали.

Но вотъ однажды случился грѣхъ: въ стѣнахъ школы какъ-то вдругъ умеръ чахоточный ученикъ. Это было громаднѣйшее событіе въ жизни семинаріи. По еврейскому обычаю, похороны обязательны въ самый день смерти. Всякое ученіе было отмѣнено; всѣ ученики толпились вокругъ лежавшаго на полу товарища и читали заунывнымъ голосомъ псалмы Давида. Передъ выносомъ тѣла, одинъ изъ находившихся случайно въ Мирѣ проповѣдниковъ сказалъ напутственное слово («геспедъ»), которое вызвало громкое рыданіе всѣхъ присутствующихъ.

Объ этихъ «проповѣдникахъ» (магид'имъ), искусно умѣющихъ увлекать своими рѣчами толпу слушателей, стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Проповѣдники — обычное явленіе среди русскихъ евреевъ, въ особенности въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Они обыкновенно разъѣзжаютъ по городамъ, населеннымъ преимущественно евреями, гдѣ говорятъ свои проповѣди въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ. Нѣкоторые изъ нихъ разъясняютъ только этическую сторону библіи и талмуда, взывая къ добру и помощи ближнимъ, воздержанію и аскетизму, а, главное, требуя посвященія себя всецѣло изученію талмуда и его комментаторовъ. Такіе проповѣдники бываютъ въ большинствѣ случаевъ однообразными и скучными.

Но есть проповѣдники, глубокіе знатоки талмуда, острые умы (хариф'имъ), которые, по оригинальному выраженію евреевъ, способны сводить стѣну со стѣной. Такой проповѣдникъ обыкновенно начнетъ съ какого нибудь библейскаго текста и загромоздитъ его множествомъ вопросовъ, затѣмъ перейдетъ къ другому тексту, который, казалось, никакого отношенія къ первому не имѣетъ, и также облѣпитъ его разными вопросами, доказывая, что въ немъ нѣтъ ни логики, ни здраваго смысла. Послѣ этого онъ останавливается на третьемъ текстѣ, въ которомъ найдетъ массу противорѣчій и недоразумѣній и т. д. и т. д. Но вдругъ, ссылаясь на какое-то изреченіе талмуда, онъ выскажетъ какой-то рогатый силлогизмъ, и смотришь, послѣ нѣкотораго хитросплетенія ума, всѣ тексты оказываются согласными между собою, всѣ противорѣчія исчезли, всѣ вопросы разъяснены, и изреченія библіи и талмуда возсіяли въ объясненіи проповѣдника ярче солнца. Сопутствуемый одобрительнымъ шопотомъ аудиторіи (рукоплесканій въ молитвенныхъ домахъ не принято), проповѣдникъ сходитъ съ амвона, и всѣ спѣшатъ выразить ему благодарность и уваженіе пожатіемъ руки.

Бываютъ проповѣдники, которые до того умѣютъ наэлектризовать своихъ слушателей, что доводятъ послѣднихъ до рыданія и истерики, въ особенности женщинъ, которыя впадаютъ при этомъ въ обморочное состояніе, хотя $^{9}/_{10}$ изъ нихъ не понимаютъ премудрости проповѣдника. Эти проповѣдники отличаются въ особенности въ дни поста и раскаянія («іомимъ ныроимъ»), десять дней между еврейскимъ новымъ годомъ и суднымъ днемъ, когда религіозные евреи убѣждены, что ихъ судьба рѣшается самимъ Іеговой на небесахъ. Проповѣдникъ прибѣгаетъ обыкновенно къ слѣдующему эффекту: онъ, точно въ экстазѣ, среди проповѣди бросается къ священному ковчегу, въ которомъ хранится писанное на пергаментѣ Пятикнижіе Моисея, порывисто сдвигаетъ закрывающій его занавѣсъ и съ разсчитаннымъ паѳосомъ и громкимъ рыданіемъ открываетъ ковчегъ. Въ такой моментъ всѣхъ присутствующихъ охватываетъ какой-то священный ужасъ, поднимается вопль, и всѣ голоса сливаются въ общее рыданіе. Въ эту минуту я увѣренъ (сужу по себѣ), всѣ слушатели искренно раскаиваются въ вольныхъ и невольныхъ грѣхахъ, дѣлаются временно нравственно чище, разумѣется, только до перваго столкновенія съ окружающей, гнетущей жизнью...

Вознаграждаются проповѣдники весьма скудно. Послѣ проповѣдей странствующіе «магид'имъ» берутъ проводника, хорошо знающаго матеріальное положеніе мѣстныхъ обывателей, и съ нимъ обходятъ всѣ болѣе или менѣе состоятельные дома. Никто почти въ этихъ случаяхъ не отказываетъ въ своей скудной лептѣ, всѣ добровольно даютъ, сколько могутъ, отъ 3—5 коп. до 20 коп., съ міру по ниткѣ, а нищему проповѣднику на скудное содержаніе,

т.-е. на дорожные расходы и одежду, пропитаніе же ему ничего не стоитъ, потому что обыватели охотно кормятъ его у себя, считая за особую честь, если проповѣдникъ откушаетъ у нихъ хлѣба-соли.

Въ мирской іешибѣ я пробылъ около года и вышелъ изъ нея по слѣдующему случаю.

Обыкновенно, послѣ утренней молитвы, ученики расходились по своимъ квартирамъ для завтрака. Нѣкоторые изъ нихъ удалялись нѣсколько раньше окончанія молитвы, хотя это было строго запрещено; но такъ какъ на молитвѣ, какъ я говорилъ выше, присутствовали и прихожане, то трудно было имѣть строгій надзоръ за учениками. Я также позволялъ себѣ иногда эту вольность.

Но вотъ однажды, собираясь уйти изъ школы-молельни, главный раввинъ, всегда присутствовавшій на молитвѣ, сдѣлалъ мнѣ рукой знакъ, чтобы я остался. По окончаніи молитвы, онъ подозвалъ меня къ своему столу и безъ всякихъ вопросовъ и объясненій сталъ бить меня по щекамъ. Я былъ ошеломленъ. Кромѣ физической боли,—костлявая рука раввина била больно, и экзекуція продолжалась нѣсколько минутъ,—я былъ уничтоженъ публичнымъ позоромъ, такъ какъ посторонніе прихожане не успѣли еще разойтись.

Совершивъ свой подвигъ, раввинъ удалился, не сказавъ никому ни слова, и я такъ-таки и не узналъ, за какую провинность меня подвергли публичному наказанію. Должно быть, великій раввинъ предвидѣлъ, что изъ меня не выйдетъ свѣтила Израиля, и потому выместилъ на мнѣ гнѣвъ Іеговы...

Вскорѣ послѣ этого происшествія я покинулъ Миръ и переселился въ мѣстечко Столбцы, находящееся въ 24 верстахъ отъ Мира. Тамъ жилъ дальній мой родственникъ, на котораго я надѣялся, что онъ какъ нибудь меня пристроитъ.

Пріѣхавъ въ Столбцы на подводѣ, за что заплатилъ послѣдній злотъ (15 коп.), я прямо отправился въ молитвенный домъ, который, какъ я говорилъ уже, служитъ и даровой гостиницей для бѣдныхъ бохуровъ, посвящающихъ себя изученію талмуда. Встрѣтившій меня служка, узнавъ цѣль моего пріѣзда и что такой-то мой родственникъ, первымъ дѣломъ вручилъ мнѣ фоліантъ талмуда, за который я сейчасъ же сѣлъ, а затѣмъ обѣщалъ мнѣ найти для меня «дни», т.-е. обывателей, которые изъявятъ согласіе на прокормленіе меня по одному дню въ недѣлю каждый.

Родственникъ мой, котораго я никогда въ глаза не видѣлъ, оказался молодымъ еще человѣкомъ, лѣтъ 26—27, женатымъ на дочери содержателя мѣстныхъ бань (занятіе это считается у евреевъ если не позорнымъ, то неприличнымъ) и готовящимся, живя на хлѣбахъ у тестя, къ сану духовнаго раввина.

Здѣсь будетъ кстати сказать о значеніи духовныхъ раввиновъ у евреевъ и ихъ миссіи, о которыхъ многіе, даже образованные, русскіе имѣютъ совершенно смутное понятіе.

Духовный раввинъ, который долженъ быть въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ, населенномъ евреями, есть, прежде всего, толкователь еврейскаго закона. Онъ разрѣшаетъ всѣ встрѣчающіяся въ ежедневной жизни евреевъ религіозныя недоразумѣнія; онъ совершаетъ множество религіозныхъ обрядовъ, столь обременяющихъ жизнь еврея; онъ заключаетъ браки, чинитъ разводы; онъ же, въ большинствѣ случаевъ, исполняетъ обязанности мирового судьи. Во многихъ городахъ раввинъ стоитъ еще во главѣ семинаріи («рошъ-ішибе») и единственнымъ преподавателемъ въ нихъ. Затѣмъ онъ еще и духовный пастырь: въ извѣстные праздники и субботы онъ произноситъ проповѣди, исполняя обязанности магида (см. выше). Наконецъ самые выдающіеся раввины служатъ высшимъ авторитетомъ для своихъ же товарищей раввиновъ, которые обращаются къ нимъ за разрѣшеніемъ головоломныхъ религіозныхъ вопросовъ, возбуждающихъ сомнѣніе и разныя толкованія. Приговоръ или объясненіе такого раввина считается уже безапелляціоннымъ.

Особенныхъ приготовленій для занятія должности духовнаго раввина не имѣется, но существуетъ нѣчто въ родѣ экзамена. Если три извѣстныхъ раввина, каждый, впрочемъ, отдѣльно, проэкзаменуютъ претендента на санъ раввина и дадутъ ему письменное свидѣтельство («смихосъ»), что онъ знаетъ хорошо содержаніе «Шульханъ оруха» (сводъ еврейскихъ законовъ и обрядовъ) и умѣетъ толковать законъ, то этого вполнѣ достаточно, чтобы стать духовнымъ раввиномъ въ любой еврейской общинѣ. Но самыя общины требуютъ, чтобы ихъ раввины, кромѣ знанія свода законовъ, были большими знатоками талмуда, хорошими проповѣдниками и безукоризненной нравственности. Понятно, что болѣе богатые города избираютъ или выписываютъ болѣе прославленныхъ и ученыхъ раввиновъ, изъ которыхъ выдающіеся своими учеными трудами производятся своими почитателями въ санъ «гаона» (великаго), «учителя всего изгнаннаго Израиля», въ «божественнаго толкователя закона».

Опредѣленнаго жалованья раввины не получаютъ, но каждое общество назначаетъ своему раввину содержаніе, сообразно своимъ средствамъ. Истинно благочестивые раввины—а ихъ громаднѣйшее большинство—довольны своимъ скуднымъ содержаніемъ, изъ котораго ухитряются еще удѣлять на нужды нищихъ, членовъ общества. Но встрѣчаются и печальныя исключенія. Есть раввины, которые, не удовлетворяясь общественными лептами, пускаются (впрочемъ, черезъ своихъ женъ) въ мелкую торговлю, содержатъ питейныя заведенія и не брезгуютъ ростовщичествомъ среди своихъ же пасомыхъ.

Многіе раввины пишутъ якобы ученые, новые комментаріи къ библіи и талмуду, которые, по отпечатаніи, лично раздаютъ состоятельнымъ своимъ почитателямъ, что̀ приноситъ имъ нѣкоторую матеріальную пользу.

Впрочемъ, этотъ способъ распространенія своихъ сочиненій унаслѣдовали отъ раввиновъ и новѣйшіе еврейскіе писатели, такъ называемые прогрессисты, которые иногда разъѣзжаютъ по всѣмъ еврейскимъ городамъ и собираютъ милостыню, въ видѣ платы за никому не нужные плоды ихъ ума или музы.

Грѣшный человѣкъ, прибѣгалъ къ этому способу и я; но я забѣгаю впередъ.

Итакъ, я водворился въ Столбцахъ, гдѣ и устроился довольно сносно. «Шамешъ» (служка) скоро нашелъ для меня полный комплектъ «дней», т.-е. обывателей, которые согласились кормить меня по опредѣленному дню въ недѣлю. Къ моему благополучію, обыватели эти оказались не бѣдными и кормили меня сытно и вкусно. Но главное мое благополучіе состояло въ томъ, что я получилъ полную свободу, былъ предоставленъ самому себѣ; надо мною, 12-тилѣтнимъ мальчуганомъ, не было никакого начальства, никакого надзора.

Хотя я жилъ въ самомъ молитвенномъ домѣ, я, однако, пользовался полной свободой. Держа передъ собою, для декораціи, фоліантъ талмуда, я тутъ же ухитрялся читать «запрещенныя книжки», которыми снабжали меня нѣкоторые товарищи, дѣти мѣстныхъ обывателей. Книжки эти значительно расширили мой умственный горизонтъ.

Въ Столбцахъ я впервые получилъ понятіе о еврейской семьѣ, живущей на европейскую ногу, что̀ было такой рѣдкостью въ Россіи въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Это было семейство Карлинскихъ, которое меня кормило по пятницамъ и субботамъ. Отецъ семейства жилъ постоянно въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ былъ комиссіонеромъ по экспорту русскаго хлѣба, шедшаго въ Пруссію по Нѣману, и я его ни разу не видѣлъ въ Столбцахъ. Жена же его съ дѣтьми, по неизвѣстнымъ мнѣ соображеніямъ, жила въ этомъ городѣ, въ своемъ собственномъ хорошемъ домѣ, окруженномъ большимъ фруктовымъ садомъ. Хозяйка дома была очень миловидная женщина, лѣтъ 35, добрая и ласковая; дѣти ея, два мальчика моихъ лѣтъ и дѣвочка лѣтъ 8, воспитывались, т.-е. обучались еврейскимъ предметамъ, дома. Въ послѣднемъ царствовали образцовая чистота и порядокъ. Какъ г-жа Карлинская, такъ и ея дѣти, любили меня, главнымъ образомъ, за то, что я хорошо зналъ еврейскій языкъ и въ 12 лѣтъ не только зналъ почти всю библію наизусть, но и былъ, сравнительно, хорошо знакомъ съ главными представителями новѣйшей еврейской литературы, въ которую я посвящалъ моихъ сверстниковъ, читая съ ними «запрещенныя» книжки, свободно вращавшіяся въ домѣ Карлинскихъ.

Я нѣсколько распространился объ этомъ семействѣ потому, чтобы доказать, что и въ николаевскія времена, въ такомъ заброшенномъ мѣстечкѣ, какъ Столбцы, среди темныхъ и фанатическихъ евреевъ возможно было существованіе, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, простой, честной, доброй еврейской семьи, не знавшей ни фанатизма, ни вражды къ иновѣрцамъ, хотя всѣ члены семьи строго исполняли всѣ предписанія еврейской религіи и ни въ чемъ не отступали отъ нея.

Въ Столбцахъ же я пристрастился къ музыкѣ, лучше сказать, къ пѣнію. Въ этомъ городѣ былъ молодой канторъ (совершающій молитвы въ синагогахъ), обладавшій замѣчательнымъ теноромъ. Зная ноты, онъ приспособлялъ многія аріи изъ разныхъ оперъ къ молитвенному тексту; въ особенности онъ эксплоатировалъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, Меербероскія оперы. Евреи очень любятъ Меербероскія мелодіи, находя въ нихъ что-то родное, хотя самъ Меерберъ, несмотря на еврейское свое происхожденіе, врядъ ли зналъ еврейскія національныя мелодіи. Во всякомъ случаѣ, ихъ вовсе нѣтъ въ главныхъ его операхъ. Но евреи, справедливо гордясь своимъ геніальнымъ соплеменникомъ, ловятъ и находятъ въ его операхъ національные мотивы и съ особымъ удовольствіемъ слушаютъ Меербероскія аріи въ синагогахъ, когда канторъ примѣняетъ ихъ къ молитвамъ.

И вотъ, попавъ разъ, въ праздникъ, въ синагогу, я былъ очарованъ сразу какъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ кантора, такъ и глубиной и сладостью Меербероскихъ мотивовъ, и съ тѣхъ поръ я не пропускалъ ни одного богослуженія въ синагогѣ, когда его совершалъ молодой канторъ.

IV.

Приращеніе нашего семейства.—«Ожилъ!»—Душевное томленіе.—Развлеченіе еврейскими концертами.—Ломжинскій канторъ.—Борьба партій.—Воинская повинность во время Крымской войны.—«Ловцы».—Сцена на улицѣ.—Женитьба старшаго моего брата.—Поѣздка въ Сморгонь.—Свадьба.—Помолвка сестры.—Мое огорченіе.—Праведники.—Плакальщики.—Похороны праведника.

Вернувшись въ Вильно, я года два прожилъ у родителей, среди многочисленнаго семейства, которое все больше и больше увеличивалось. Матушка рожала аккуратно черезъ каждые два года, и дѣти всѣ были здоровыя, жили и росли. Матеріальное же положеніе родителей не только не улучшалось, но, напротивъ, все ухудшалось. Бѣдный отецъ точно высохъ, а мать, измученная заботами о кучѣ дѣтей, становилась все злѣе и злѣе.

Въ это время на свѣтъ Божій явился новый членъ семейства, который противъ обыкновенія черезъ три дня умеръ. Отецъ, повидимому, чрезвычайно обрадовался этому обстоятельству, хотя

громко не выражалъ своей радости, мать же, несмотря на обиліе оставшагося потомства, была очень огорчена и даже искренно всплакнула о желанной, въ глубинѣ души, потерѣ.

Надо было хлопотать о погребеніи младенца. Отецъ отправился въ погребальное общество и черезъ нѣсколько часовъ явился въ сопровожденіи двухъ членовъ послѣдняго, которые должны были унести покойничка. Но, войдя въ комнату, отецъ вдругъ услышалъ плачъ младенца.

— «Ожилъ!»—воскликнулъ онъ, схватившись за голову и поблѣднѣвъ, какъ полотно.

И на его лицѣ отпечаталось такое страшное горе, что я во всю жизнь не могъ забыть этого выраженія отчаянія.

Между тѣмъ младенецъ вовсе не ожилъ, и дѣло вышло такъ. Видя страданія матушки отъ обилія молока въ груди, которое необходимо было отцѣдить, жившая у насъ бабушка побѣжала куда-то достать, для этой цѣли, щенка, что ей и удалось. Щенокъ, какъ разъ въ моментъ возвращенія отца изъ погребальнаго общества, завизжалъ, а отецъ принялъ писк щенка за плачъ ожившаго ребенка...

Нужно себѣ представить степень нищеты и гнета главы семейства, если воображаемое оживленіе родного ребенка могло вызвать въ отцѣ такой вопль отчаянія!..

Тускло и уныло проходили у меня дни въ родительскомъ домѣ. Въ Вильнѣ мнѣ труднѣе было предаваться моей страсти, чтенію «запрещенныхъ» книжекъ, потому что за мною строго слѣдили и отецъ, и мать, и «добровольцъ»—братъ, который былъ старше меня на 4 года и котораго, въ отличіе отъ нашего первенца, ученика раввинскаго училища, буду называть Исаакомъ. Всѣ эти аргусы, если имъ удавалось изловить меня за «запрещенной» книжкой, жестоко меня били.

Проводя цѣлые дни и длинные вечера въ одномъ изъ виленскихъ молитвенныхъ домовъ, гдѣ отецъ считался прихожаниномъ, я долженъ былъ вѣчно сидѣть, подъ надзоромъ отца и брата, за фоліантомъ талмуда, къ которому не чувствовалъ никакого влеченія. Ни его юридическое, религіозное и легендарное содержаніе, ни хитросплетенія его многочисленныхъ комментаторовъ—не плѣняли мой молодой умъ. Чувствовались въ воздухѣ, да изъ «запрещенныхъ» книжекъ я зналъ, что гдѣ-то дышитъ и живетъ цѣлый міръ Божій, которому нѣтъ дѣла до рѣшенія такихъ вопросовъ: можно ли употребить яйцо, снесенное курицей въ праздничный день? можно ли употребить мясную посуду, если въ нее попала капля молока? дѣйствителенъ ли разводъ между супругами, если въ писанномъ текстѣ развода испорчена хотя бы одна буква? подлежитъ ли смертной казни мужчина, нечаянно сочетавшійся съ чужой женщиной? дозволено ли употребить пасхальные опрѣсноки

(«маца»), если въ приготовленное для нихъ тѣсто попала крупинка соли?—и тысяча подобныхъ имъ важныхъ вопросовъ... Но этотъ чужой, заманчивый міръ былъ для меня недоступенъ, и не зналъ я выхода изъ моего гнетущаго состоянія.

Единственнымъ моимъ развлеченіемъ было посѣщеніе, по субботамъ и праздникамъ—и то не всегда—главной виленской синагоги, гдѣ канторъ совершалъ молитвы съ хоромъ пѣвчихъ, въ особенности, когда главнымъ виленскимъ канторомъ сдѣлался ломжинскій канторъ, обладавшій чуднымъ теноромъ и знавшій ноты. Я считалъ его пѣніе и композицію верхомъ совершенства.

Этотъ же ломжинскій канторъ, кстати сказать, сдѣлался предметомъ глубокой и бурной распри между еврейскими партіями въ Вильнѣ. Ортодоксы—а ихъ было громаднѣйшее большинство—были довольны старымъ канторомъ, который своимъ козлинымъ голосомъ и нестройнымъ пѣніемъ возбуждалъ, во время богослуженія, неудержимый смѣхъ среди молельщиковъ, и не хотѣли никакихъ новшествъ. Прогрессивная же партія, которая стала нѣкоторой силой послѣ Крымской войны, стояла горой за пріѣхавшаго изъ Ломжи кантора, очаровавшаго слушателей дивнымъ голосомъ и оперными мелодіями.

Надо сказать, что синагоги часто дѣлаются ареной для соперничества канторовъ. Если въ какомъ нибудь большомъ еврейскомъ городѣ откроется вакансія кантора, то туда являются претенденты съ своими пѣвчими и назначаютъ свой дебютъ въ такой-то синагогѣ, въ такой-то праздничный или субботній день. Народу на эти безплатные концерты является видимо-невидимо, такъ что не хватаетъ мѣста, и, смотря по достоинству дебютанта, слушатели выражаютъ свое одобреніе или порицаніе, но не аплодисментами или шиканьемъ, а тихими выраженіями удовольствія и восторга или причмокиваніемъ губъ и смѣхомъ.

И какіе только не бывали дебюты и пробы голосовъ! Одни канторы-дебютанты поражали слушателей громовыми басами, другіе—тоненькими дискантами, третьи—необыкновенными трелями, четвертые—подражаютъ флейтѣ, и т. д. У нѣкоторыхъ пѣніе выходило довольно стройное, но другіе извергали изъ своего горла такіе душу раздирающіе звуки, что хоть вонъ бѣги изъ синагоги. Къ тому же мелодіи и мотивы доморощенныхъ композиторовъ вовсе не подходили къ тексту молитвъ: то запоютъ плясовую, когда слова молитвы выражаютъ благоговѣніе къ Іеговѣ, то затянутъ заунывные звуки, когда молитва выражаетъ радость души. Если прибавить, что какъ канторы, такъ и ихъ хоръ, подпирали, при пѣніи, щеки руками, при чемъ толстый палецъ упирался въ шейный хрящикъ, то легко будетъ представить себѣ картину торжественнаго богослуженія въ дореформенныхъ синагогахъ.

Но возвращаюсь къ новому виленскому кантору.

Къ удивленію, молодая еврейская партія въ Вильнѣ одержала верхъ. Ломжинскій канторъ былъ принятъ виленскимъ обществомъ, ему назначено было приличное содержаніе, и онъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Первое время, отъ страшнаго наплыва любителей хорошаго пѣнія, не было доступа въ главную синагогу, которая всегда, во время совершенія новымъ канторомъ богослуженія, была биткомъ набита. Еврейское общество вздумало даже эксплоатировать эту страсть своихъ членовъ и устраивало платные билеты для входа въ молитвенные дома, впрочемъ, весьма недорогіе, отъ 10 до 20 копеекъ билетъ, но впослѣдствіи билеты были отмѣнены.

Сохранились они только на полупраздникъ «хануке», когда устраивались формальные вокально-инструментальные концерты, о которыхъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

«Хануке» (освѣщеніе) празднуется у евреевъ въ память побѣды, одержанной братьями Макавеями надъ державшимъ евреевъ подъ страшнымъ игомъ Антіохомъ, и возстановленія богослуженія во второмъ храмѣ. Легенда разсказываетъ, что когда великій священникъ долженъ былъ зажечь передъ алтаремъ храма священный огонь, и нигдѣ не оказалось священнаго масла, то совершилось чудо: семирожковая лампада вдругъ сама собою наполнилась масломъ, и великій священникъ могъ исполнить обрядъ.

Такъ вотъ въ память этой побѣды и этого чуда, совершившагося 2000 лѣтъ тому назадъ, евреи до сихъ поръ чтутъ праздникъ «хануке», продолжающійся восемь дней. Но, не имѣя религіознаго основанія въ Пятикнижіи Моисея, «хануке» не считается «священнымъ» праздникомъ, а выражается въ особыхъ молитвахъ и въ слѣдующемъ своеобразномъ обрядѣ. Въ вечеръ, наканунѣ наступленія «хануке», каждый еврей обязанъ, при особой молитвѣ, зажечь одинъ рожокъ приспособленной для этой цѣли восьмирожковой лампочки, или же одну восковую свѣчу, на второй день—два огня, на третій—три и т. д. до восьми. Эти рожки или свѣчки должны горѣть не менѣе получаса, а публичное зажиганіе лампады въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ совершается торжественно съ пѣніемъ и музыкой, и это единственный случай, когда въ стѣнахъ синагоги допускается инструментальная музыка.

Такимъ образомъ, каждый городъ, смотря по музыкальнымъ средствамъ своего кантора, ежегодно устраивалъ вокально-инструментальные концерты. Эти послѣдніе славились въ Вильнѣ, въ особенности, во время пребыванія тамъ ломжинскаго кантора. На его концерты сбѣгался весь городъ. Въ главной синагогѣ, куда пускали безъ билетовъ, происходила такая давка, что многіе задыхались и падали въ обморокъ, при чемъ оказавшихся въ безчувственномъ состояніи приходилось выносить изъ синагоги на головахъ, передавая ихъ отъ одного къ другому.

Въ концертахъ участвовалъ самъ канторъ, его небольшой хоръ, нѣсколько скрипокъ, двѣ-три флейты и два-три контрбаса. Въ большинствѣ случаевъ канторъ пѣлъ концерты своей собственной композиціи, въ которыхъ, однако, попадались нерѣдко мелодіи Меербера и Галеви, но еще больше, чѣмъ хорами и ансамблями, онъ отличался въ высшей степени оригинальными речитативами, очаровывавшими слушателей. Тѣ же концерты повторялись въ слѣдующіе дни «хануке», въ разныхъ молитвенныхъ домахъ, куда публика пускалась уже только по билетамъ, которые раскупались нарасхватъ.

Эти концерты, какъ я сказалъ, доставляли мнѣ величайшее наслажденіе. Не имѣя никогда въ своемъ распоряженіи единовременно 10—15 копеекъ для покупки билета, я копилъ эту сумму въ теченіе мѣсяцевъ изъ карманныхъ денегъ, которыя выдавалъ мнѣ отецъ, въ размѣрѣ одного гроша въ день.

Кромѣ этихъ еврейскихъ концертовъ, ни о какихъ другихъ публичныхъ удовольствіяхъ я ни малѣйшаго понятія не имѣлъ, хотя изъ афишъ зналъ, что гдѣ-то существуетъ театръ, циркъ, маскарадъ. Афиши же, еле-еле умѣя разобрать крупный русскій шрифтъ, я бѣгалъ читать ежедневно, и до сихъ поръ не могу себѣ объяснить, зачѣмъ я принималъ на себя этотъ трудъ, разъ я зналъ, что у меня нѣтъ никакой возможности попасть куда нибудь на публичное зрѣлище. Упоминаю о странной привычкѣ читать афиши потому, что впослѣдствіи, лѣтъ черезъ 30, дочь моя, дѣвочка 11 лѣтъ, унаслѣдовавъ отъ меня эту привычку, также каждый день бѣгала къ театральному зданію, чтобы прочесть афиши, хотя, по условіямъ своей домашней жизни, она также лишена была всякой возможности побывать когда либо въ театрѣ. Подумаешь, въ какихъ мелочахъ иногда проявляется наслѣдственность...

Впрочемъ, въ эпоху Крымской войны, евреямъ было не до увеселеній. Тяжелое это было для нихъ время. Частые наборы нагоняли на нихъ ужасъ, въ особенности, на бѣднѣйшій классъ, изъ котораго вербовались рекруты. Такъ какъ обязанность доставлять требуемый комплектъ рекрутовъ лежала на всесильномъ въ то время кагалѣ, то стоящіе во главѣ его и всѣ ихъ присные избавляли себя отъ тягостной, въ Николаевскія времена, повинности, которая всецѣло ложилась на бѣдныя и беззащитныя семейства. Кандидаты въ рекруты, во время наборовъ, прятались въ подземельяхъ, въ лѣсахъ, бѣгали изъ родного города, куда глаза глядятъ. Но главари кагала создали спеціальную шайку «ловцовъ», которые занимались ловлей исключительно молодыхъ евреевъ, предназначенныхъ кагаломъ въ солдаты.

Эти «ловцы», которыхъ многіе уже знали въ лицо, нагоняли ужасъ на всѣхъ бѣдныхъ евреевъ, годныхъ въ солдаты; отъ нихъ, какъ отъ опричниковъ, нельзя было откупиться; они не знали ни

жалости, ни состраданія; на нихъ не было ни суда, ни расправы; слабыя попытки обреченныхъ сопротивляться имъ кончались обыкновенно побѣдой «ловцовъ» и избіеніемъ жертвъ.

Разъ я былъ случайнымъ свидѣтелемъ такой сцены. На самомъ бойкомъ мѣстѣ, на углу Нѣмецкой и Трокской улицъ, молодой здоровенный еврей возбужденно спорилъ съ солдатикомъ. Оказалось, что еврей только что убѣжалъ изъ казармы, гдѣ содержались «пойманные», предназначенные въ рекруты, а солдатикъ, караулившій ихъ, замѣтивъ бѣглеца, побѣжалъ за нимъ, настигъ его и, страшно вольнуясь, умолялъ его вернуться въ казарму. Еврей, блѣдный, какъ смерть, только скрежеталъ зубами, съ ненавистью посмотрѣлъ на солдатика и намѣренъ былъ ринуться впередъ, но тутъ подоспѣлъ другой солдатикъ, который загородилъ ему дорогу. Но и двое стражниковъ не могли сладить съ силачемъ. Между тѣмъ образовалась толпа народа, любопытствуя, чѣмъ это кончится. Убѣдившись, что ему не улизнуть теперь, бѣглецъ схватился за наружную дверь находившагося вблизи магазина, отъ которой солдатики напрасно пытались его оторвать. Но тутъ, точно изъ земли, откуда-то выросли два здоровенныхъ «ловца». Увидѣвъ ихъ, бѣглецъ затрясся, какъ листъ. Не желая среди бѣла дня, на виду у всей толпы, прибѣгнуть къ силѣ, одинъ изъ «ловцовъ» остался на мѣстѣ, какъ бы въ помощь солдатикамъ, а другой побѣжалъ въ казарму, откуда вскорѣ появились еще двое солдатъ. Всѣмъ стражникамъ, разумѣется, удалось оторвать бѣглеца отъ двери и направить его въ казарму. А такъ какъ несчастный, въ отчаяніи, все еще сопротивлялся, то солдатики, толкая его впередъ, награждали его здоровыми тумаками.

Во время моего пребыванія въ отцовскомъ домѣ, старшій мой братъ, Исаакъ, былъ засватанъ и вскорѣ женился. Бракъ этотъ, какъ, впрочемъ, всѣ еврейскіе браки, устроился съ помощью «сватовъ», составляющихъ у евреевъ какъ бы особый цехъ. Они ведутъ списки всѣмъ женихамъ и невѣстамъ, разъѣзжаютъ по городамъ, комбинируютъ и, сообразивъ, гдѣ есть подходящій «товаръ», предлагаютъ его соотвѣтственному «купцу». Главное достоинство кандидата въ женихи это — «илуй» — глубокій знатокъ талмуда, затѣмъ въ высшей степени цѣнится аристократическое происхожденіе отъ знаменитыхъ раввиновъ, и чѣмъ ближе молодой человѣкъ находится, по степени родства, къ знаменитости, тѣмъ выше онъ цѣнится, красота же и богатство стоятъ на послѣднемъ планѣ. «Илуй», хотя и невзрачный, мальчикъ простого еврея, безъ всякаго состоянія, всегда дѣлалъ «блестящую партію», т.-е. за него выдавали прекрасную молодую дѣвушку изъ аристократической семьи, съ большимъ приданымъ и съ обязательствомъ содержать его и его семью на всемъ готовомъ, въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, въ домѣ тестя. За «илуемъ» шли уже дѣти умствен-

ной аристократіи, а за ними—потомки денежной аристократіи. Отъ невѣстъ же требовалось только приданое и цѣломудріе, и никакіе физическіе недостатки не препятствовали еврейскимъ дѣвушкамъ выходить замужъ. Впрочемъ аристократическое происхожденіе дѣвушекъ замѣняло имъ приданое. Дочери умственной аристократіи цѣнились на вѣсъ золота; къ родителямъ ихъ засылались предложенія со всѣхъ концовъ Израиля, и эти fins fleures доставались только рѣдкимъ избранникамъ.

Мой отецъ, какъ сказано выше, не былъ раввиномъ, и потому не считался большимъ аристократомъ, а братъ мой Исаакъ далеко не былъ «илуй», поэтому пришлось искать для него партію въ среднемъ классѣ евреевъ. Таковая нашлась, съ помощью «сватовъ», въ семьѣ нѣкоего сморгонскаго обывателя, имѣвшаго взрослую дочь и нѣсколько сотъ рублей приданаго для нея и изъявившаго согласіе держать у себя молодыхъ въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Сколько помню, обрученіе состоялось безъ смотринъ: братъ не видѣлъ будущую супругу, а невѣста не знала, каковъ ея суженый. Но бракъ, какъ большинство браковъ у евреевъ, вышелъ сносный. До свадьбы, впрочемъ, невѣста пріѣхала въ Вильно и остановилась у насъ. Она не была ни красива, ни образована; она еле умѣла читать поеврейски, т.-е. на еврейскомъ жаргонѣ, но зато она была очень бойка и очень не глупа. Молодые люди понравились, повидимому, другъ другу, хотя никогда между собою не разговаривали. Все время пребыванія въ нашей тѣсной квартиркѣ невѣсты, братъ не ночевалъ даже дома. Впрочемъ, она и недолго гостила у насъ, всего 4—5 дней, спѣша вернуться къ родителямъ.

Отецъ, съ своей стороны, обязался дать своему сыну въ приданое сто рублей и прилично его экипировать. Не имѣя никакихъ средствъ, отецъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи своего брата-богача и его дѣтей. Общими усиліями, послѣ долгихъ нравственныхъ мученій, отецъ получилъ возможность выполнить свое обязательство. Надо было отправиться въ Сморгонь. Родители рѣшили взять съ собою, кромѣ жениха, только меня да младшую мою сестру, дѣвочку лѣтъ 12. О желѣзныхъ дорогахъ тогда и помина не было. Пришлось нанять двѣ подводы, которыя дотащили насъ до Сморгони, всего 76 верстъ отъ Вильны, въ три дня. Дѣло было зимою, одеженка на насъ была плохая, и мы порядкомъ перемерзли дорогою.

Но вотъ на послѣдней станціи отъ Сморгани началось наше благополучіе. Насъ торжественно встрѣтили съ пѣніемъ и музыкой и съ обильнымъ угощеніемъ. Мы, несчастные, чуть ли не заморенные голодомъ и холодомъ, путешественники, ожили. Согрѣвшись и подкрѣпивъ себя, мы тронулись дальше. Дальнѣйшій нашъ путь былъ торжественнымъ шествіемъ. Черезъ два часа мы уже были у цѣли. Въ Сморгони намъ опять устроили торжественную

встрѣчу. Мы остановились у одного изъ братьевъ отца невѣсты. Свадьба должна была состояться въ тотъ же день, но такъ какъ день этотъ былъ — пятница, да и чуть ли не самая короткая, то всѣ многочисленные свадебные обряды пришлось продѣлать на скорую руку. Тѣмъ не менѣе ничего существеннаго не было опущено. Обряды эти будутъ мною описаны при разсказѣ о своей собственной свадьбѣ. Здѣсь же я скажу, что мои родители, вѣроятно, во всю свою жизнь не испытывали такого благополучія, какое они пережили на свадьбѣ своего сына. Свадебныя пиршества продолжались цѣлую недѣлю. Насъ буквально закармливали и носили на рукахъ. Каждый изъ многочисленныхъ братьевъ свата считалъ своимъ долгомъ устроить въ нашу честь домашній пиръ. Чуть ли не вся Сморгонь принимала участіе въ веселье. Пѣли и плясали на улицѣ. Такой почести со стороны сморгонскихъ обывателей и такого гостепріимства со стороны родныхъ невѣсты мы и не ожидали. Блаженству отца, любившаго покушать хорошо, но рѣдко имѣвшаго къ тому случай, не было конца.

Счастливое его состояніе увеличилось еще тѣмъ радостнымъ обстоятельствомъ, что одинъ изъ братьевъ свата высваталъ тогда же мою сестренку для своего одиннадцатилѣтняго мальчика. Было устроено формальное обрученіе малолѣтнихъ дѣтей, сопровождавшееся новыми пирами для родителей и неподдѣльнымъ сердечнымъ горемъ для меня.

Дѣло въ томъ, что у третьяго дяди невѣсты была премиленькая дѣвочка лѣтъ 13, которую начали было сватать мнѣ—и переговоры объ этомъ велись серьезно, такъ что я также чуть-чуть не сдѣлался женихомъ. Но дѣло разстроилось, потому что дѣвочка была единственнымъ ребенкомъ у своихъ родителей, послѣдніе были довольно состоятельные люди и нашли, что я для нихъ не достаточно блестящая партія. Мнѣ это было очень обидно; дѣвочка мнѣ очень нравилось, и я уже мечталъ, что буду жить обезпеченно, не буду вынужденъ скитаться по еврейскимъ городамъ и питаться на иждивеніи семи хозяевъ въ недѣлю. И вдругъ всѣ мои мечты разбились вдребезги. Дѣлать было нечего, и я долженъ былъ мириться съ неудачей. Но когда, послѣ этого, младшая моя сестра официально объявлена была невѣстой, я не выдержалъ и горько заплакалъ.

Воображаю, какъ мои слезы были смѣшны, но я истинно страдалъ. Даже строгая и религіозная моя матушка, считавшая такое раннее стремленіе къ жениховству большимъ грѣхомъ, видя мое неподдѣльное горе, нашла нужнымъ приласкать и успокоить меня.

Вскорѣ мы вернулись въ Вильно, и все у насъ вошло въ свою печальную колею.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего возвращенія, весь городъ былъ взволнованъ кончиною одного изъ еврейскихъ праведниковъ, которому евреи устроили необыкновенно сердечныя похороны.

Несмотря на меркантильный духъ, на вѣчную суету, на вѣчную борьбу за жалкое свое существованіе, евреи въ высшей степени чтутъ своихъ праведниковъ-безсребренниковъ. Праведниками же евреи считаютъ тѣхъ, которые, при строгомъ исполненіи предписаній Моисея и талмуда, ничѣмъ не торгуютъ, никогда не лгутъ, никого не обижаютъ и совершенно безкорыстны. Эти праведники пользуются неограниченнымъ довѣріемъ своихъ единовѣрцевъ, имъ довѣряютъ значительные капиталы на храненіе и ихъ же за это вознаграждаютъ. У того праведника, смерть котораго такъ взволновала весь городъ, нашли сотни тысячъ рублей чужихъ денегъ, въ маленькихъ пакетикахъ съ надписями, что̀ кому принадлежитъ, при чемъ денежные знаки оказались тѣ самые, т.-е. за тѣми же нумерами, которые вручены были праведнику на храненіе.

Когда вѣсть о его смерти разнеслась по городу, то моментально, точно по командѣ, всѣ еврейскія лавки закрылись, и всѣ евреи собрались отдать послѣдній долгъ усопшему. Его, по еврейскому обычаю, хоронили въ тотъ же день. Толпа въ 30—40 тысячъ человѣкъ запрудила улицу, на которой жилъ праведникъ, и сосѣднія съ ней. Не прошло и трехъ часовъ послѣ его смерти, какъ состоялся выносъ тѣла. На плечахъ десятковъ двухъ людей, безпрерывно мѣнявшихся, показался простой черный ящикъ, въ которомъ, безъ всякихъ украшеній, лежалъ покойникъ.

Похороны у евреевъ совершались тогда чрезвычайно скромно, безъ всякой пышности. Убѣдившись въ дѣйствительной смерти даннаго лица, его немедленно кладутъ на устланный соломой полъ, закрываютъ глаза и у изголовья ставятъ зажженную свѣчку и стаканъ воды. Послѣдняя служитъ для купанья витающей около усопшаго души, не успѣвшей еще переселиться на небо... Кто нибудь изъ домашнихъ читаетъ нараспѣвъ псалмы Давида. Вскорѣ являются «братчики» погребальнаго общества, забираютъ покойника, увозятъ его на кладбище; здѣсь его обмываютъ, облекаютъ въ чистые саваны, которые здѣсь же шьются, и затѣмъ кладутъ прямо въ вырытую яму-могилу, безъ всякаго гроба, обложенную съ двухъ сторонъ досками, и засыпаютъ землею. Кто нибудь произноситъ вслухъ краткую погребальную молитву, присутствующіе говорятъ: аминь!—и все кончено.

Однако, несмотря на простоту похоронъ, въ основаніи которой лежитъ разумная идея равенства всѣхъ передъ смертью, въ самой этой простотѣ невольно допускаются разныя отличія, въ зависимости отъ индивидуальности умершихъ. Такъ, на похороны особенно чтимыхъ лицъ собираются, для отданія послѣдняго долга, совершенно незнакомые люди, покойника не везутъ на телѣгѣ, а несутъ на рукахъ, при чемъ всѣ считаютъ своимъ священнымъ долгомъ нести гробъ нѣкоторое разстояніе, или же хоть прикоснуться къ нему; лавки при проводахъ такого покойника запираются; на

самомъ кладбищѣ многіе помогаютъ шить саваны, рыть могилу; наконецъ, послѣ засыпанія могилы землею, спеціалисты своего дѣла произносятъ тутъ же геспедъ (плачъ), т.-е. погребальное слово, въ которомъ перечисляютъ всѣ душевныя качества умершаго, призываютъ присутствующихъ къ добрымъ дѣломъ и покаянію, при чемъ «плакальщики», снабжая свою рѣчь текстами изъ библіи и талмуда, сами заливаются неподдѣльными слезами и вызываютъ громкое рыданіе у слушателей. Такія погребальныя рѣчи произносятся, въ теченіе мѣсяца, во всѣхъ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ, и не только въ родномъ городѣ знаменитаго и славнаго покойника, но и во всѣхъ другихъ еврейскихъ центрахъ. Спеціалистовъ по составленію погребальныхъ рѣчей приглашаютъ иногда изъ города въ городъ, и ихъ за это вознаграждаютъ гораздо щедрѣе, чѣмъ магидимъ-проповѣдниковъ.

Но возвращаюсь къ похоронамъ виленскаго праведника, которыя оставили въ моей памяти такой неизгладимый слѣдъ. Всѣ атрибуты выдающихся похоронъ повторялись здѣсь въ усиленной степени: всѣ улицы, ведущія на кладбище, были буквально запружены народомъ, всякая ѣзда была прекращена; всю дорогу народъ плакалъ и пѣлъ псалмы; на самомъ кладбищѣ, гдѣ не могло помѣститься и половины провожавшихъ, царствовало вовилонское столпотвореніе, и лишь въ глубокія сумерки, послѣ произнесенныхъ рѣчей, которыя слышала, быть можетъ, сотня-другая людей, но которыя вызвали всеобщій плачъ, толпа, въ глубокомъ унынiи и печали, вернулась въ городъ. Каждый точно чувствовалъ, что не стало личнаго его защитника и друга, предстателя передъ грознымъ и карающимъ Богомъ...

А. Г.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЕВРЕЯ [1]).

V.

Смѣна царствованій. — Новыя скитанія. — Ковно. — Дальніе родственники. — У «хасидовъ». — «Цадики». — Гиршъ Несвижскій. — Частныя ассигнаціи. — Ловленіе въ женихи. — Наказаніе плетьми. — Писаніе стиховъ. — Городъ Мерецъ. — «Эпикурейцы». — Красавица. — Возвращеніе въ Вильно.

Скончался императоръ Николай I, котораго евреи крѣпко недолюбливали; воцарился императоръ Александръ II, на котораго евреи возлагали большія надежды; кончилась Крымская война, евреи нѣсколько отдохнули отъ безпрерывной воинской повинности и зажили своей обычной суетою. Мнѣ стукнуло 16 лѣтъ. Женить меня было еще рано, а дома между тѣмъ прибавилось еще нѣсколько новыхъ членовъ семьи; я былъ лишнимъ ртомъ. И вотъ отецъ рѣшилъ, чтобы я снова отправился куда нибудь на чужіе хлѣба.

Выборъ палъ на Ковно, гдѣ у насъ были дальніе родственники. Отецъ снабдилъ меня «слезными» письмами къ нимъ, и я отправился. Желѣзной дороги тогда еще не было, и какъ я пріѣхалъ въ Ковно—не могу припомнить.

Городъ мнѣ очень понравился своими прямыми улицами и чистотою, которою въ особенности щеголяла такъ называемая часть «Новыя мѣста». Здѣсь всѣ дома были каменные новѣйшей архитектуры, здѣсь жилъ губернаторъ и другія губернскія власти, и здѣсь

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCI, стр. 977.

же сосредоточились еврейскіе богачи новѣйшей формаціи, о которыхъ я имѣлъ самое смутное понятіе.

Прежде всего надо было позаботиться о насущномъ хлѣбѣ. Отдавъ «родственникамъ» письма отца, я получилъ отъ нихъ согласіе на кормленіе меня по одному дню въ недѣлю. Одинъ изъ моихъ благодѣтелей былъ «хасидомъ», и, благодаря его протекціи, я получилъ пристанище въ хасидскомъ молитвенномъ домѣ.

Но о сектѣ «хасидовъ» слѣдуетъ разсказать.

Слово «хасидъ» обозначаетъ на древне-еврейскомъ языкѣ—благочестивый, скромный, аскетъ; но почему это названіе приняла отпавшая отъ кореннаго еврейства, въ XVII вѣкѣ, маленькая секта евреевъ, не объяснено до сихъ поръ. Секта «хасидовъ», собственно говоря, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ остальныхъ евреевъ въ основныхъ началахъ религіи. Какъ тѣ, такъ и другіе строго придерживаются предписаній Моисея, Талмуда и позднѣйшихъ еврейскихъ авторитетовъ. Вся разница только въ томъ, что «хасиды» болѣе невѣжественны, болѣе фанатичны, болѣе склонны къ мистицизму и непремѣнно вѣрятъ въ святость какого нибудь «цадика» (праведника), какого нибудь потомка прославившагося въ началѣ XVII вѣка среди евреевъ якобы чудотворца Израиля, «баалъ-шемъ-товъ» (обладателя чудотворной силой).

Эти «цадики», о которыхъ рѣчь ниже, ужасно эксплоатировали и до сихъ поръ эксплоатируютъ темную массу хасидовъ, поддерживая рознь между ними и остальными евреями.

А такъ какъ первоначальный основатель хасидизма сдѣлалъ нѣкоторыя, весьма незначительныя, впрочемъ, измѣненія въ молитвенномъ ритуалѣ и въ самомъ текстѣ молитвъ, то хасиды перестали молиться совмѣстно съ другими евреями и строили свои спеціальные молитвенные дома.

Такъ вотъ въ одинъ изъ этихъ домовъ попалъ я впервые, и здѣсь-то я долженъ былъ найти пристанище и пропитаніе.

Но, живя въ этомъ гнѣздѣ хасидизма, я не нашелъ въ немъ тѣхъ ужасовъ, которые разсказывали о хасидахъ ихъ противники («миснагдимъ»). Здѣсь я убѣдился, что хасиды, какъ и коренные евреи, ни на волосъ не отступали отъ основныхъ предписаній еврейской религіи, молились, постились, плодились, множились, посвящая всѣ мысли Богу и служенію ему. Существенная разница заключалось только въ двухъ пунктахъ.

Въ то время, какъ нехасиды жили вѣчно въ страхѣ Божіемъ, вѣчно удрученные, вѣря, что грозный Богъ Израиля врагъ всякаго веселья и подъема духа, почему и отказывались отъ всякой радости бытія,—хасиды, напротивъ, все совершали радостно, съ пѣніемъ, прыгая и танцуя въ экстазѣ, вѣря со словъ своихъ «цадиковъ», что Богъ Израиля и въ весельи, въ танцахъ и даже въ попойкахъ, которыя они себѣ позволяли при всякомъ удобномъ

случаѣ. Отсюда непримиримая рознь между нехасидами и хасидами. Первые, какъ аскеты, не могли не смотрѣть съ презрѣніемъ и даже ненавистью на послѣднихъ, считая ихъ чуть ли не одержимыми бѣсомъ, а хасиды, въ свою очередь, презирали и жалѣли своихъ «противниковъ» за то, что они сами обрекаютъ себя на ненужное Богу страданіе и горе, на унынiе и скуку.

Второй главный пунктъ розни состоитъ въ томъ, что хасиды искренно вѣрили въ святость и чудодѣйствіе своихъ цадиковъ, потомковъ вышеупомянутаго Израиля, баалъ-шемъ-товъ и другихъ самозванныхъ чудотворцевъ, а нехасиды не допускали, послѣ пророковъ и составителей талмуда, никакихъ проявленій смертными, хотя бы учеными и праведниками, чудесъ, а цадиковъ презирали за невѣжество въ толкованіи талмуда и за веселый, подчасъ роскошный образъ жизни.

Такъ, про нѣкоторыхъ цадиковъ разсказывали, что они жили въ дворцахъ, имѣли свои оркестры музыки и лейбъ-гвардію изъ евреевъ, своихъ «казаковъ» изъ евреевъ же, вооруженныхъ пиками и сопровождавшихъ цадиковъ верхомъ во всѣ ихъ поѣздки. Вся эта роскошь, всѣ эти пиры, разумѣется, оплачивались добровольными приношеніями поклонниковъ цадика, которые пріѣзжали къ нему со всѣхъ концовъ Польши и Волыни, повѣряли ему свое жизненное горе, спрашивали совѣта и утѣшенія и уѣзжали отъ него успокоенные и бодрые для жизненной борьбы, въ полной вѣрѣ, что цадикъ помолится за нихъ и выпроситъ у Бога всякихъ для нихъ земныхъ и небесныхъ благъ.

Аудіенціи у цадиковъ не всякому доступны. Цадики имѣютъ своихъ габаевъ (аргусовъ), которые за каждую аудіенцію вымогаютъ отдѣльную плату, и, смотря по размѣру послѣдней, бываетъ продолжительность аудіенціи. Бѣдные же люди, которые не въ состояніи дать что нибудь, вовсе не удостоиваются лицезрѣнія цадика.

Впрочемъ, надо сказать, что и среди цадиковъ были исключенія, хотя весьма рѣдкія. Такъ, секта хасидовъ, въ молитвенномъ домѣ которыхъ я пріютился, считала своимъ цадикомъ знаменитаго въ то время либавскаго раввина, пользовавшагося благочестивой репутаціею и среди нехасидовъ. По словамъ служки молельни, неоднократно посѣщавшаго либавскаго цадика, послѣдній отличался скромной жизнью, святостью и простотою обращенія. И хотя и къ нему не было свободнаго доступа, безъ приношеній, которыя взимали габаи передъ аудіенціею, но они были весьма скромныя и безъ особыхъ вымогательствъ.

Но и этотъ цадикъ, котораго хасиды, въ отличіе отъ другихъ, называли просто рабби (учитель), поддерживалъ вѣру въ себя, какъ въ чудотворца, и всѣмъ многочисленнымъ его поклонникамъ, являвшимся къ нему изъ Польши и Западнаго края, онъ обѣщалъ

исполненіе желаній: выздоровленіе отъ недуговъ, плодородіе бездѣтнымъ, полученіе выгоднаго подряда, хорошую партію, просвѣтленіе ума и т. д.

Обѣщанія, разумѣется, рѣдко исполнялись, но адепты цадика непоколебимо вѣрили въ его святость и всемогущество,—и стоило только, чтобы одно изъ пожеланій цадика случайно осуществилось, какъ вѣсть объ этомъ «чудѣ» распространялась среди всѣхъ его поклонниковъ, увеличивая его славу.

Хотя вѣра въ цадиковъ многихъ утѣшаетъ и укрѣпляетъ въ борьбѣ за существованіе, но въ общемъ она составляетъ истинную язву среди хасидовъ, поддерживая суевѣріе и сѣя рознь между евреями. Въ особенности вредны тѣ цадики, сильно размножившіеся въ Галиціи и въ нашемъ Юго-Западномъ краѣ, которые ради своихъ прихотей и разгульной жизни, ради обогащенія своихъ родныхъ и присныхъ, дерутъ съ живыхъ и мертвыхъ, распространяютъ мракъ и преслѣдуютъ всякій проблескъ просвѣщенія среди евреевъ.

Затхлая атмосфера маленькой хасидской молельни, въ которой я не имѣлъ никакой возможности читать «запрещенныя» книжки, мнѣ скоро опротивѣла, и я задумалъ переселиться въ болѣе оживленный центръ еврейской жизни. Такимъ центромъ считался въ Ковнѣ молитвенный домъ богача Гирша Несвижскаго, прихожане котораго были болѣе или менѣе состоятельные и просвѣщенные, въ европейскомъ смыслѣ, евреи. Благодаря протекціи одного изъ моихъ дальнихъ родственниковъ, мнѣ удалось переселиться въ этотъ молитвенный домъ. Здѣсь я вскорѣ пріобрѣлъ товарищей, которые тайно снабжали меня разными «книжечками», которымъ я посвящалъ все свободное отъ занятія талмудомъ время. Въ особенности увлекался я тогда еврейской поэзіей, которой заражался и я. Я сталъ писать стихи на разныя темы, подражалъ многимъ признаннымъ еврейскимъ поэтамъ, и вскорѣ серьезно мнилъ и себя таковымъ. Товарищи одобряли мои риѳмованныя строчки и ужасно льстили мнѣ. Этихъ стихотвореній накопилось у меня впослѣдствіи нѣсколько тетрадей, и я уже сталъ мечтать объ изданіи ихъ отдѣльной книжкой. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, уразумѣвъ истинныхъ еврейскихъ поэтовъ, познакомившись съ художественными перлами нѣмецкой и русской поэзіи, я созналъ всю слабость моей музы и, безъ сожалѣнія, сжегъ всѣ ея плоды. Только коротенькое мое стихотвореніе было напечатано, въ 1861 году, въ еврейскомъ журналѣ-газетѣ «Гакормель», которое, какъ мнѣ говорили, удостоилось даже перевода на нѣмецкій языкъ.

Замѣчу кстати, что многіе еврейскіе поэты довели свое искусство писать стихи на древне-еврейскомъ языкѣ до необыкновенной степени совершенства. Несмотря на то, что библейскій языкъ давно мертвый, чуждъ всякимъ новѣйшимъ понятіямъ и къ тому же

имѣетъ въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное число словъ, еврейскіе поэты ухитряются писать на немъ философскіе, лирическіе, эротическіе, повѣствовательные и сатирическіе стихи, которые у многихъ отличаются необыкновенной силой, красотою и мѣткостью. Нѣкоторые поэты до того владѣютъ этимъ языкомъ, что позволяютъ себѣ—и не въ ущербъ красотѣ— разные фокусы на немъ. Такъ, не говоря объ обязательности для всѣхъ стиховъ одиннадцати слоговъ въ строчкѣ и отсутствія словъ, начинающихся двумя согласными буквами, многіе стихи бываютъ въ то же время акростихани и, кромѣ того, сумма буквъ (извѣстно, что въ еврейскомъ алфавитѣ каждая буква имѣетъ свое численное значеніе) каждой строчки соотвѣтствуетъ суммѣ года по еврейскому лѣтосчисленію, въ которомъ стихотвореніе написано.

Изъ всѣхъ прихожанъ молитвеннаго дома Несвижскаго самымъ оригинальнымъ былъ самъ хозяинъ его. Высокій, здоровый, свѣжій старикъ лѣтъ 60, очень богатый, имѣвшій въ Ковнѣ нѣсколько каменныхъ, домовъ и солидную торговлю хлѣбомъ, Гиршъ Несвижскій часто ночевалъ въ своей молельнѣ, спалъ одѣтый на голой скамейкѣ. съ той лишь цѣлью, чтобы въ теченіе ночи проводить нѣсколько часовъ за механическимъ чтеніемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ книгъ. Я говорю—механическимъ, потому что Несвижскій былъ «амъ г'оорецъ», то-есть человѣкъ земли, не образованный, ничего не смыслящій въ библіи и талмудѣ, но съ грѣхомъ пополамъ понимавшій «Мидрашъ», религіозные сборники, въ которыхъ помѣщены многія легенды изъ еврейской исторіи, разныя басни и анекдоты и фантастическія сказки о будущей жизни. Несвижскій благоговѣйно перелистывалъ эти сборники, хотя мало въ нихъ понималъ, считая, какъ и всѣ религіозные евреи, что самый процессъ чтенія религіозныхъ книгъ угоденъ Богу и спасителенъ для души.

Несвижскій былъ далеко не аскетомъ. Его румяное лицо и цвѣтущій организмъ свидѣтельствовали, что дома онъ позволялъ себѣ много лишняго, но въ своемъ молитвенномъ домѣ онъ подвергалъ себя всѣхъ лишеніямъ, которыя испытывали мы, лишенные собственнаго крова бахуры. Единственную роскошь, которую позволялъ себѣ этотъ богатый старикъ въ своей собственной молельнѣ, это то, что онъ оспаривалъ у меня скамейку у печки, которая считались моей привилегіею, и которую я долженъ былъ уступать ему въ ночныя его посѣщенія.

Несвижскій пользовался неограниченнымъ кредитомъ среди ковенскихъ евреевъ, и его собственныя кредитки принимались евреями, какъ государственныя деньги. Кредитки эти писались на обыкновенныхъ клочкахъ бумаги и снабжены были только подписью Несвижскаго и его именной печатью, имѣя цѣнность отъ 5 коп. до 5 рублей. Касса Несвижскаго аккуратно выплачивала по нимъ на-

личныя деньги безъ всякой задержки. Впрочемъ, подобныя ассигнаціи выпускали и другіе еврейскіе богачи и не только въ Ковнѣ, но и во всѣхъ городахъ Сѣверо-Западнаго края, населенныхъ евреями, такъ что одно время настоящіе кредитные билеты совсѣмъ почти исчезли изъ обращенія. Но, какъ и слѣдовало ожидать, появилось множество фальшивыхъ частныхъ ассигнацій, многіе доморощенные банкиры, выпустивъ массу ассигнацій, прекратили платежи; еврейская голытьба взволновалась; дѣло дошло до высшей власти, и импровизованныя кредитки, ко благу бѣднаго Израиля, были запрещены навсегда.

Между моими благодѣтелями, кормившими меня по дню въ недѣлю, былъ одинъ содержатель шинка, попросту — кабака. Я инстинктивно чувствовалъ отвращеніе къ кабаку. Среди моихъ многочисленныхъ родственниковъ въ Вильнѣ не было ни одного кабатчика, и я считалъ этотъ способъ существованія позорнымъ. Не нравилось мнѣ поэтому и семейство моего благодѣтеля, да и вся обстановка была очень удручающая: вѣчная сутолока, да и пища мнѣ отпускалась и скудная, и невкусная. Я давно хотѣлъ отказаться отъ этого «дня», но голодъ не тетка, и даровому коню въ зубы не смотрятъ.

И вдругъ, къ моему удивленію, я сталъ замѣчать, что за мною начинаютъ ухаживать. Хозяйка заведенія присаживалась къ столику, на которомъ мнѣ, обыкновенно, подавали кушанье, да и самое кушанье значительно улучшилось. Хозяйка разспрашивала о моихъ родителяхъ, объ общественномъ ихъ положеніи, о родственникахъ. Я никакъ не могъ догадаться, откуда эта перемѣна. Но ларчикъ просто открылся. Оказалось, что меня ловятъ въ женихи въ хозяйской дочкѣ, дѣвушкѣ лѣтъ 15—16, толкавшейся постоянно у стойки съ напитками и закуской, на которую я раньше никакого вниманія не обращалъ, хотя успѣлъ замѣтить, что она очень непривлекательной наружности и грязно одѣвается. Узнавъ о моей аристократической роднѣ, мои благодѣтели не прочь были выдать за меня свою неказистую дочку. Хотя мнѣ тогда не было и полныхъ 16 лѣтъ, тѣмъ не менѣе я вошелъ въ матримоніальные переговоры, но повелъ ихъ такъ дипломатично, что кабатчики сейчасъ отстали. Я, во-первыхъ, требовалъ приданаго 400 рублей (выше я самъ себя не цѣнилъ); во-вторыхъ, подарковъ на сто рублей и, въ-третьихъ, четыре года приличнаго содержанія, на всемъ готовомъ, въ домѣ будущаго тестя.

— Какъ ты о себѣ много думаешь! — злобно замѣтила кабатчица и прекратила переговоры.

Послѣ этого, понятно, мнѣ пришлось отказаться отъ продовольствія кабатчиковъ.

Впрочемъ, вскорѣ я совсѣмъ покинулъ Ковно и переѣхалъ въ маленькій заштатный городъ Мерецъ на Нѣманѣ. Рѣшительно не

припомню причинъ, побудившихъ меня перемѣнить жизнь въ оживленномъ городѣ Ковнѣ и выбрать такую глушь, какъ Мерецъ. Но прежде чѣмъ скажу о жизни въ этомъ послѣднемъ городѣ, хочу описать обрядъ публичнаго наказанія плетьми одного преступника, при которомъ присутствовалъ и я, и которое оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе на всю жизнь...

Проходя ежедневно черезъ конную площадь, я замѣтилъ, что на ней строятъ эшафотъ—это значило, что готовилось публичное наказаніе преступника. Эшафотъ строился нѣсколько дней, наконецъ, онъ былъ готовъ, и я узналъ, что церемонія назначена на слѣдующій день въ 8 часовъ утра. Когда я явился на площадь въ 7 часовъ, вся она была уже запружена густыми массами народа и множествомъ роскошныхъ колясокъ, въ которыхъ сидѣли элегантныя панни. Вся высшая аристократія Ковна состоитъ изъ поляковъ. Ровно въ 8 часовъ показалась процессія. Впереди жандармы на статныхъ коняхъ, за ними конвойный офицеръ, барабанщикъ, бившій всю дорогу мелкую дробь, конвой человѣкъ въ 20—25 окружалъ позорную колесницу, на которой, затылкомъ къ лошадямъ, сидѣлъ привязанный къ колесницѣ молодой преступникъ, лѣтъ 23, здоровый, высокій и очень красивый. На груди у него висѣла черная доска съ надписью о совершенномъ имъ преступленіи. Но я этой надписи не могъ прочесть, и такъ и не узналъ, за что предстояло наказаніе. Непосредственно за позорной колесницей шли два субъекта въ арестантскихъ халатахъ. Это былъ палачъ и добровольный его помощникъ изъ арестантовъ. У эшафота кортежъ остановился; офицеръ что-то скомандовалъ; преступника отвязали и повели на эшафотъ. Вслѣдъ за нимъ на эшафотъ поднялся стряпчій,—тогда еще прокуроровъ въ Ковнѣ не было,— распечаталъ длинный и узкій ящичекъ, въ которомъ хранилась трехвостая плеть, развернулъ ее и внимательно осмотрѣлъ. Когда стряпчій сошелъ съ эшафота, офицеръ скомандовалъ: на краулъ! а стряпчій громко прочелъ приговоръ суда, изъ котораго я понялъ только то, что преступникъ присужденъ къ 60 ударамъ плетьми. По прочтеніи приговора, палачъ привязалъ преступника къ позорному столбу и оставилъ его въ этомъ положеніи нѣсколько минутъ (по закону — 10 минутъ), а самъ приспособилъ скамейку, на которую кладутъ наказуемаго. Затѣмъ палачъ развязалъ преступника, снялъ съ него халатъ и, подведя къ доскѣ, сталъ его раздѣвать. Положивъ его на откосную скамейку, палачъ, съ помощью арестанта-любителя, крѣпко привязалъ преступника, по рукамъ и ногамъ, ремнями къ приспособленнымъ для того мѣстамъ, обнажилъ его съ пояса до ногъ и развернулъ плеть, ожидая команду.

Когда стряпчій крикнулъ: начинай! палачъ высоко надъ собой взмахнулъ плетью и отпустилъ первый ударъ. Послышался душу раздирающій крикъ... Палачъ, считая удары, продолжалъ свое дѣло;

крики наказуемаго оглашали всю площадь... Но вдругъ на 20-мъ ударѣ палачъ остановился и подозвалъ помощника. Дѣло заключалось въ томъ, что преступникъ, какъ я говорилъ, былъ очень высокаго роста. Привязанный къ скамейкѣ по рукамъ и ногамъ, онъ имѣлъ возможность двигаться всѣмъ тѣломъ, такъ что послѣ каждаго удара наказуемый отъ страшной боли до того колыхался въ обѣ стороны, что чуть ли не перевернулся животомъ вверхъ. Не развязывая ему рукъ, палачъ съ помощникомъ вытянули у него ноги, перехватили станъ также ремнями, крѣпче прикрѣпили нижнія конечности, и снова началась страшная экзекуція, при заглушающихъ барабанную дробь крикахъ преступника.

Я больше не могъ смотрѣть на это зрѣлище и отвернулся въ сторону. Я хотѣлъ совсѣмъ удалиться, но, окруженный со всѣхъ сторонъ сплошною массою народа, долженъ былъ оставаться до конца, и тутъ только я замѣтилъ, какъ изящныя и элегантныя панни стояли въ своихъ коляскахъ, чтобы лучше видѣть истязаніе человѣка... Мнѣ и тогда казалось возмутительнымъ и непонятнымъ, какъ эти нѣжныя панни, которыя, вѣроятно, въ обморокъ падали отъ случайнаго ущемленія лапки любимой собачки, которыя, конечно, никогда не позволили ни одному постороннему мужчинѣ снять въ ихъ присутствіи сюртукъ, здѣсь публично смотрѣли съ видимымъ удовольствіемъ на обнаженнаго преступника, спину котораго палачъ превращалъ въ кровавый бифштексъ?..

Когда палачъ кончилъ свое заплечное дѣло, онъ развязалъ преступника, снялъ со скамейки, кое-какъ привелъ его туалетъ въ порядокъ, отвелъ его тутъ же на эшафотѣ нѣсколько въ сторону, поставилъ на колѣни и приступилъ къ обряду клейменія. Онъ заключался въ томъ, что по лицу преступника палачъ ударилъ какой-то острой печатью съ вырѣзными буквами, которыя впивались въ кожу, при чемъ отъ удара показалась кровь; кровавые слѣды буквъ замазывались какимъ-то составомъ, котораго, будто, никогда нельзя было смыть, почему клейменіе оставалось на всю жизнь... Послѣ этого преступника свели съ эшафота, уложили спиной вверхъ въ тутъ же стоявшую телѣгу и увезли въ тюремную больницу. Тѣмъ «торжество» правосудія и кончилось.

Хорошо, что церемоніалъ публичнаго приведенія судебнаго приговора надъ уголовными преступниками да и самое тѣлесное наказаніе плетьми нынѣ отмѣнены. Но думали же тогда наши законовѣды и юристы, что подобный церемоніалъ нуженъ для чего-то, что публичное наказаніе кого нибудь устрашаетъ и удерживаетъ отъ преступленій. Судя по себѣ, я увѣренъ, что вся эта церемонія служила только даровымъ «зрѣлищемъ» для праздной толпы, возбуждающимъ только кровавые инстинкты. Я былъ увѣренъ, что если бы вдругъ, передъ самымъ наказаніемъ, послѣдовало распоряженіе надлежащаго начальства объ отмѣнѣ его, то толпа оста-

лась бы недовольной, разочарованной. Даже элегантныя панни, смотрѣвшія на наказаніе съ высоты своихъ колясокъ, не согласились бы на отмѣну «спектакля», если бы ихъ просили объ этомъ, и если бы это отъ нихъ зависѣло... Иначе, онѣ не поднялись бы такъ рано съ своихъ постелей, не спѣшили бы занимать лучшія мѣста у эшафота, не старались бы лучше все видѣть, какъ обнажаютъ мужика и полосуютъ его голую спину...

Да, были времена!

Жизнь моя въ гор. Мерецѣ ничѣмъ не отличалась отъ жизни въ Ковнѣ и другихъ городахъ: постоянное пребываніе въ стѣнахъ молитвеннаго дома, питанье у разныхъ обывателей по одному дню въ недѣлю, занятіе талмудомъ днемъ, сонъ на голыхъ доскахъ ночью и отсутствіе всякаго контроля надъ собою.

Внутренняя жизнь еврейскихъ муравейниковъ, въ которыхъ я вращался, не была мнѣ извѣстна. Чѣмъ живетъ эта несчастная масса евреевъ, какъ и гдѣ добываетъ себѣ пропитаніе, откуда берется у нѣкоторыхъ изъ нихъ достатокъ и богатство,— все это осталось для меня темнымъ и не особенно интересовало меня, но я видѣлъ, что всѣ они вѣчно работаютъ, вѣчно суетятся, что въ извѣстный день въ недѣлю въ городишко съѣзжаются на базаръ множество мужиковъ; евреи ихъ окружаютъ, о чемъ-то галдятъ, цѣлый день съ ними возятся; мужики пьютъ, у шинковъ—вавилонское столпотвореніе, орутъ, дерутся, а къ вечеру всѣ разъѣзжаются, и въ мѣстечкѣ водворяется тишь и гладь.

Случайно я узналъ, что въ мѣстечкѣ есть молодой поэтъ-эпикуреецъ, и я постарался познакомиться съ нимъ, хотя сношенія съ эпикурейцемъ считались предосудительными, въ особенности для бѣднаго бахура, питающагося на счетъ религіозныхъ благодѣтелей. Надо сказать, что эпикурейцемъ (апикойресъ) считался у евреевъ не послѣдователь философіи Эпикура, а всякій отступникъ отъ строгаго режима талмуда. Если кто одѣвался нѣсколько по-европейски, подрѣзывалъ себѣ немного пейсы и бороду, носилъ крахмальное бѣлье и чищенные сапоги, не такъ истово молился, какъ другіе, читалъ нѣмецкія книжки, посѣщалъ иногда театръ или концертъ, тотъ считался у ортодоксальныхъ евреевъ вѣроотступникомъ, эпикурейцемъ. Жизнь такого эпикурейца становилась подчасъ невыносимой. Благочестивые евреи его сторонились, избѣгали всякихъ сношеній, а подчасъ творили ему всякія гадости: не пускали въ молитвенные дома, не хоронили съ подобающими почестями, отдавали въ солдаты внѣ очереди и т. д.

Но мой эпикуреецъ-поэтъ изъ Мереца, благодаря тому, что былъ женатъ на дочери мѣстнаго богача, имѣвшаго на своей сторонѣ всѣ мѣстныя христіанскія власти, никого не боялся, гордо носилъ свою голову, свободно писалъ стихи и открыто читалъ всякія запрещенныя книжки.

Но quod licet Jovi, non licet bovi. Одно знакомство съ эпикурейцемъ бросало уже на меня тѣнь, чтеніе же запрещенныхъ книжекъ, которыми онъ снабжалъ меня, и писаніе стиховъ по разнымъ случаямъ сильно подорвали мою репутацію; на меня стали смотрѣть косо, и благодѣтели неохотно кормили меня. Служка (шамешъ) молитвеннаго дома, грубый и фанатическій старичекъ, зорко слѣдилъ за мною, вырывалъ изъ рукъ запрещенныя книжки и пригрозилъ, что если я не буду ревностно заниматься талмудомъ и не брошу пакостныхъ книжекъ, то меня выгонятъ изъ молитвеннаго дома и лишатъ «дней».

Пришлось подчиниться, обманывать бдительность моего цербера и читать книжки за городомъ, въ полѣ, на Нѣманѣ.

Въ Мерецѣ я опять чуть не сдѣлался женихомъ. Въ городѣ жили два брата, изъ которыхъ одинъ всю жизнь проводилъ въ молитвенномъ домѣ за талмудомъ, оставляя свой домъ и многочисленное семейство на попеченіи жены, ведшей какую-то торговлю, а другой братъ, слывшій богатымъ человѣкомъ, постоянно жилъ въ Пруссіи, гдѣ имѣлъ торговыя дѣла, и рѣдко пріѣзжалъ къ своему семейству. Я имѣлъ «день» у перваго брата, почему часто встрѣчался съ старшей его дочерью, дѣвушкой лѣтъ 18-ти, очень некрасивой, но бойкой и живой. Я догадывался, что мой благодѣтель не прочь выдать за меня свою дочь. Занимаясь вмѣстѣ со мною въ молитвенномъ домѣ, онъ дѣлалъ мнѣ неоднократно прозрачные намеки въ этомъ смыслѣ. Я не говорилъ ни да, ни нѣтъ, находя вообще, что мнѣ еще слишкомъ рано думать о женитьбѣ.

Но разъ я встрѣтилъ въ домѣ моего благодѣтеля молодую дѣвушку лѣтъ 17-ти, которая поразила меня своей необыкновенной красотой и граціею. Оказалось, что это была дочь другого брата-коммерсанта. Сравнивъ двухъ кузинъ, я бросилъ всякую мысль жениться когда нибудь на дочери моего патрона и сразу сдѣлался поклонникомъ красавицы. Хотя я не имѣлъ ни малѣйшей надежды и претензіи понравиться послѣдней, никогда слова съ ней не промолвилъ и не смѣлъ даже мечтать о возможности жениться на ней, я ежедневно проходилъ мимо дома ея отца, съ замираніемъ сердца слѣдилъ, не откроется ли окошечко въ ея комнаткѣ, которая мнѣ представлялась настоящимъ райскимъ гнѣздышкомъ, не покажется ли хоть локончикъ ея чудныхъ волосъ, не сверкнетъ ли небесный лучъ изъ ея очаровательныхъ глазъ, не блеснетъ ли улыбка на ея восхитительномъ личикѣ? Я думалъ, что во всемъ мірѣ нѣтъ ничего очаровательнѣе, въ сущности, скромнаго домика ея отца, окруженнаго маленькимъ палисадникомъ, въ которомъ цвѣли яркіе цвѣты, и былъ убѣжденъ, что будущій мужъ этой граціозной феи будетъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

А моя красавица, повидимому, и не подозрѣвала, что у нея такой невзрачный, пламенный поклонникъ, и ея невинный сонъ

скромной, простой еврейской дѣвушки ничѣмъ не былъ встревоженъ.

Вскорѣ я вернулся въ Вильно, и тѣмъ кончились первые проблески моего поклоненія женской красотѣ и граціи.

VI.

Еврейскія газеты. — Виленскій палачъ. — Сваты. — Смотрины. — Экзаменъ. — Я женихъ. — Объясненіе съ дядей-богачемъ. — Праздникъ «пуримъ». — Пиръ у невѣсты. — Свадьба. — Жизнь въ домѣ тестя. — Рукописная газета. — Пребываніе въ Вильнѣ императора Александра II. — Стремленіе къ просвѣщенію. — Задуманное бѣгство. — Рожденіе дочери. — Кража своихъ собственныхъ денегъ. — Бѣгство. — Окольный путь. — Поэтъ И. Б. Вольфъ. — Погоня. — Путешествіе. — Пинскъ.

Наступилъ 1860-ей годъ. Въ то время, какъ извѣстно, всемірнымъ героемъ былъ Гарибальди, боровшійся за освобожденіе и объединеніе Италіи. Виленскіе просвѣщенные евреи чрезвычайно интересовались событіями дня и лихорадочно слѣдили за политикой. Казалось бы, что виленскимъ евреямъ Италія, Гарибальди, Пій IX, Викторъ-Эммануилъ, Бисмаркъ и прочіе рѣшители судебъ Европы? Но они, по своей подвижной натурѣ, всѣмъ интересовались, въ особенности похожденіями Гарибальди, обсуждали его планы, радовались его успѣхамъ и горевали о его неудачахъ.

Всему этому способствовали появившіяся еженедѣльныя газеты на древне-еврейскомъ языкѣ: «Га'магидъ», издававшаяся въ Пруссіи и имѣвшая большое распространеніе въ Россіи, и «Га'кормель», возникшая въ Вильнѣ подъ редакціею извѣстнаго ученаго еврея С. І. Фина.

Прусская газета «Га'магидъ», выходившая безъ цензуры, не имѣла опредѣленнаго направленія. Она имѣла два отдѣла: политическій и литературный. Первый отличался возможной полнотою; въ немъ, кромѣ европейской политики, помѣщалась масса свѣдѣній изъ жизни евреевъ на всемъ земномъ шарѣ; второй отдѣлъ былъ преимущественно посвященъ вопросамъ экзегетики, разъясненію темныхъ мѣстъ библіи и талмуда, хотя въ немъ помѣщались также стихотворенія, практическія свѣдѣнія и статьи по естественнымъ наукамъ. «Га'магидъ» старался угождать всѣмъ еврейскимъ партіямъ, что называется—и нашимъ и вашимъ. Стоя за европейское просвѣщеніе евреевъ, онъ въ то же время не допускалъ ни малѣйшей реформы еврейской религіи и клеймилъ отступниковъ отъ буквы талмуда. Это двойственное направленіе, или, лучше сказать, отсутствіе всякаго опредѣленнаго направленія, создало прусской газетѣ громадный успѣхъ въ Россіи, гдѣ она была значительно больше распространена, чѣмъ въ Пруссіи.

Виленская же газета «Га'кормель» имѣла рѣшительно прогрессивное направленіе. Давая все то, что давала прусская газета,

«Га'кормель» держался строго своего направленія, не вилялъ въ разныя стороны, не заискивалъ въ читателѣ и проповѣдовалъ постепенныя реформы въ еврействѣ и еврейской жизни. Такая серьезная и честная газета, понятно, не могла быть распространена въ то время.

Такъ какъ ни отецъ и никто изъ моихъ родныхъ не выписывали никакой газеты, то я имѣлъ возможность знакомиться съ событіями дня лишь урывками и случайно; но я ловилъ всякій листъ газеты, какъ драгоцѣнность какую нибудь, читалъ съ начала до конца съ величайшимъ вниманіемъ и все мечталъ тиснуть въ какую нибудь газету статейку, или хотя бы корреспонденцію, что считалъ высшимъ удовлетвореніемъ авторскаго самолюбія, но долго мнѣ это не удавалось.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Вильно назначено было публичное наказаніе плетьми двухъ тяжкихъ преступниковъ, но я на это кровавое «зрѣлище» не пошелъ. Упомянулъ же я о немъ, чтобы сказать о виленскомъ палачѣ, «тальенъ» (вѣшатель), какъ его почему-то называли виленскіе евреи. Этотъ палачъ, высокаго роста, съ добродушнымъ, открытымъ лицомъ и добрыми, какъ мнѣ казалось, глазами, еженедѣльно, по пятницамъ, обходилъ, въ сопровожденіи лишь одного стражника, всѣ еврейскія лавки и лавочки, собирая «добровольную» дань. И удивительно, несмотря на то, что никто изъ евреевъ, за мое время, по крайней мѣрѣ, не подвергался тѣлесному наказанію черезъ палача, а о публичной смертной казни и не слыхать было до польскаго возстанія,—евреи ужасно боялись добродушнаго monsieur de Wilno, и никто почти не отказывалъ ему въ подаяніи. Хотя подачки, въ большинствѣ случаевъ, не превышали гроша, или даже полушки, но палачъ, надо думать, всегда возвращался въ тюрьму съ немалой жатвой, несмотря на то, что дорогой онъ со стражникомъ удостоивалъ своимъ вниманіемъ попутныя питейныя заведенія, платя за водку и закуску наличными деньгами. Кто наложилъ тогда на виленскихъ евреевъ эту своеобразную контрибуцію, и почему послѣдніе безропотно ей подчинялись, такъ и осталось для меня необъяснимымъ.

Въ 1860 году, мнѣ пошелъ восемнадцатый годъ. Родители мои серьезно стали думать о партіи для меня. Разные «сваты» (шадхонъ) начали посѣщать нашу скромную обитель, предлагая всевозможныхъ, соотвѣтствующихъ моему общественному и матеріальному положенію, невѣстъ. Но все какъ-то не клеилось: то требованія со стороны родителей невѣстъ были неисполнимы, то мои родители находили разные изъяны. Наконецъ, остановились на слѣдующемъ предложеніи.

Въ Вильнѣ жилъ нѣкій мелкій торговецъ маслами, Тонхумъ, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ «Тонхумъ-Путерникъ» то-есть, масленикъ. Самъ по себѣ этотъ Тонхумъ ничѣмъ не

отличался, онъ былъ даже малограмотный, что считается у евреевъ постыднымъ даже, но онъ выигралъ много въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, что выдалъ первую свою дочь за извѣстнаго въ Вильнѣ ученаго талмудиста (илуй), нѣкоего Ланга. И вотъ у этого Тонхума оказалась вторая дочь, ведшая его небольшую торговлю, и эта дочь, на 2 или 3 года старше меня, волею «сватовъ» предназначалась мнѣ въ жены. Послѣ долгихъ переговоровъ съ обѣихъ сторонъ, родители наши, разумѣется, не справляясь съ мнѣніемъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, выработали слѣдующія условія: Тонхумъ обязался дать за своей дочерью 300 рублей наличными деньгами, содержать у себя молодыхъ послѣ свадьбы въ теченіе трехъ лѣтъ и послать мнѣ нѣкоторые подарки, въ томъ числѣ шубу; мой же отецъ долженъ былъ положить для меня у вѣрнаго человѣка 100 рублей денегъ и прилично меня экипировать.

Надо было устроить смотрины. Это было уже нѣкоторымъ прогрессомъ, уступкой времени, потому что раньше до вѣнчанія никакихъ смотринъ не полагалось. Я никогда не видѣлъ будущей моей невѣсты; послѣдняя, понятно, не знала меня. Сговорились повидаться намъ у замужней сестры невѣсты. Въ условленный день и часъ я отправился туда съ матушкой. Такъ какъ дѣло происходило зимою, а у меня шубы не было, то пришлось выпросить таковую для приличія на нѣсколько часовъ у одного изъ своихъ родственниковъ.

И вотъ въ чужой шубѣ явился я въ чужой домъ, чтобы посмотрѣть на совершенно чуждую мнѣ дѣвушку, которая должна была стать моей женою. Она уже ждала насъ. Моя future была маленькаго роста, далеко не красивая, но и не безобразная, робкая, скромная, совершенно безцвѣтная, довольно, однако, симпатичная. Не проронивъ ни единаго слова, не поклонившись даже другъ другу, мы слегка, какъ бы украдкой, осмотрѣли другъ друга. Матушка сказала нѣсколько словъ хозяйкѣ дома, а молодая дѣвушка, чтобы не стоять истуканомъ, перекладывала на кровати подушки съ мѣста на мѣсто, хотя въ этомъ не было никакой надобности.

Смотрины продолжались минуты три, четыре. Послѣ этого я съ матушкой удалился, опять-таки не сказавъ молодой дѣвушкѣ ни слова.

— Ну, какъ тебѣ нравится? — сочла нужнымъ спросить меня мать, хотя никогда не справлялась съ моими взглядами и вкусами.

— Не особенно... — отвѣтилъ я робко.

— Почему же?

— Нельзя сказать, чтобы блистала особенной красотой и умомъ.

— Но если всѣмъ жениться на красавицахъ, то куда же дѣнутся некрасивыя дѣвушки? — уже недовольнымъ тономъ проговорила мать.

— Все-таки, почему я долженъ жениться на такой дѣвушкѣ?— дерзнулъ я протестовать дальше.

Но матушка такъ грозно посмотрѣла на меня, что я предпочелъ замолчать.

Черезъ нѣсколько дней родители наши порѣшили между собою нашу судьбу окончательно, и я долженъ былъ подчиниться.

Но мнѣ предстояло еще пройти черезъ экзаменъ моихъ познаній въ талмудѣ. Экзаминаторомъ былъ назначенъ братъ будущаго моего тестя, нѣкій Мордухай—пекарь, который печеніемъ хлѣба вовсе не занимался,—этимъ дѣломъ у него завѣдывала жена,—но порядочно зналъ тонкости талмуда.

И вотъ однажды, въ молитвенный домъ, гдѣ я проводилъ всѣ дни, явился сказанный «пекарь», досталъ фоліантъ талмуда, подошелъ ко мнѣ и безъ всякихъ предисловій сталъ предлагать разные хитроумные вопросы. На нѣкоторые изъ нихъ я не нашелся отвѣтить, тѣмъ не менѣе рабби Мордухай заявилъ, что я достаточно свѣдущъ въ талмудѣ, вѣроятно, потому, что я быстро схватилъ его собственныя мудрствованія. Тѣмъ экзаменъ и кончился.

Вскорѣ послѣ этого состоялось наше обрученіе (тноимъ), на которое было приглашено съ обѣихъ сторонъ много гостей. Послѣ подписанія свадебнаго контракта меня съ невѣстой стали поздравлять, но при этомъ мы сидѣли въ разныхъ комнатахъ, во весь вечеръ мы слова не сказали другъ другу, и даже толкомъ не повидались.

Свадьба была назначена черезъ два мѣсяца. Все это время прошло въ усиленныхъ хлопотахъ для моихъ бѣдныхъ родителей. Имъ надо было достать откуда бы то ни было 100 рублей на приданое для меня и столько же на экипированіе меня. Такъ какъ своихъ средствъ у нихъ не было, то пришлось прибѣгнуть къ помощи дяди-богача и его дѣтей. Только на это, впрочемъ, мои родители и могли разсчитывать, сговорившись съ Тонхумомъ—масленикомъ... Послѣ долгихъ мытарствъ почти вся необходимая сумма была собрана у родственниковъ отца. Не хватало только рублей 20 на непредвидѣнные расходы. Всѣ источники были уже исчерпаны; мать заложила даже свои драгоцѣнности, состоявшія изъ двухъ нитокъ стараго жемчуга, подъ которыя ей выдали 35 рублей; отецъ занялъ (безъ надежды уплатить), сколько возможно было, у своихъ настоящихъ и бывшихъ учениковъ. Но все же не хватало.

И вотъ, по настоянію отца, я долженъ былъ отправиться лично къ грозному дядѣ, выклянчить какую нибудь прибавку. Долго я готовился къ этой аудіенціи, но все не хватало рѣшимости. Предстоящая встрѣча рисовалась мнѣ страшной, поэтому я ее откладывалъ со дня на день. Наконецъ, я рѣшился. Добрая тетя была подготовлена и обѣщала поддержать меня, если встрѣтится надобность, но «самъ» не былъ предупрежденъ о моемъ визитѣ. Изъ

кабинета дяди вела стеклянная дверь въ прихожую, и я могъ видѣть, какъ онъ, по обыкновенію, сидитъ у окна въ креслѣ за фоліантомъ талмуда. Я, весь дрожа, подошелъ къ этимъ дверямъ, но не могъ ихъ отворить. Бывшая тутъ старая кухарка дяди, посвященная въ предпріятіе, толкнула меня въ святилище дяди.

Послѣдній, увидѣвъ меня первый разъ въ жизни въ своихъ хоромахъ, мигомъ вскочилъ съ креселъ, поднялся во весь свой ростъ и, какъ разъяренный звѣрь, бросился мнѣ навстрѣчу и грозно спросилъ:

— Что тебѣ?

Со страха я ничего не могъ объяснить. Дядя сталъ гнѣвно бѣгать по кабинету, гнѣвно посматривая на меня.

— Скажешь, наконецъ, зачѣмъ пожаловалъ?—прокричалъ онъ.

Путаясь и блѣднѣя, я кое-какъ объяснилъ ему, что вотъ надняхъ должна состояться моя свадьба, а у отца многаго еще не хватаетъ.

— Но мы всѣ ему вѣдь дали уже по складчинѣ, чего же ему еще?

— И все-таки отецъ не можетъ свести концы съ концами.

— А мы-то при чемъ? Мы сдѣлали все, что могли.

Я отъ внутренней обиды и черствости дяди заплакалъ.

— Ну, чего плачешь, противно видѣть...—озлился еще больше дядя.

— Не женился бы такъ рано, — прибавилъ онъ.

Я не выдержалъ наконецъ и почти дерзко высказалъ ему, что вовсе не желаю жениться, и что партія мнѣ не по сердцу, но меня не спрашиваютъ и женятъ. Не помню уже, какъ пришлось къ слову, но я тутъ же бросилъ дядѣ упрекъ, что онъ обходится съ моимъ отцомъ не по-братски, а всегда почти со злобой.

— Нельзя любить человѣка, который вѣчно сидитъ у тебя на шеѣ,—окрысился дядя и еще болѣе яростно сталъ бѣгать по комнатѣ. Я серьезно опасался, что онъ меня прибьетъ и выгонитъ вонъ. Я еще пуще заплакалъ.

— Скажи «ему», что ему дадутъ еще 15 рублей,—проговорилъ онъ болѣе мягко.—Ну, уходи и больше не приходи,—прибавилъ онъ.

Я не заставилъ себя ждать вторичнаго приказанія и выбѣжалъ изъ кабинета дяди, едва успѣвъ поблагодарить его за новое благодѣяніе.

Видя, какъ я блѣденъ и взволнованъ, тетя встрѣтила меня ласково и привѣтливо и, узнавъ о благопріятномъ результатѣ аудіенціи, пожелала мнѣ счастія въ новой жизни.

Дома я ничего не разсказалъ отцу о моемъ разговорѣ съ дядей и о встрѣчѣ, а передалъ только о результатѣ, которымъ онъ остался доволенъ.

Между тѣмъ день, назначенный для свадьбы, приближался. Осталось всего двѣ недѣли. Съ самаго обрученія я съ невѣстой и

не видался. Только разъ, живя съ ней на одной улицѣ, мы случайно встрѣтились лицомъ къ лицу. Я остановилъ ее и спросилъ, какъ поживаетъ; она что-то робко пробормотала и, покраснѣвъ до ушей, поспѣшила удалиться, не подавъ мнѣ даже руки.

Былъ праздникъ пуримъ, въ воспоминаніе объ избавленіи евреевъ, слишкомъ 2.000 лѣтъ тому назадъ, отъ поголовнаго избіенія въ персидскихъ владѣніяхъ, по совѣту великаго визиря Персіи, Гамана (см. библейскую книгу «Эсѳирь»). День этотъ, несмотря на позднѣйшія бѣдствія подъ владычествомъ Рима, на средневѣковыя гоненія, на испанскую инквизицію, на избіеніе массами въ Польшѣ и Малороссіи и на крайне незавидное ихъ нынѣшнее положеніе во всей Европѣ, празднуется евреями до сего времени шумно и весело. Это единственный день, когда евреи позволяютъ себѣ поѣсть хорошо и даже напиться пьяными. Бѣдныхъ принято одаривать въ этотъ день и деньгами, и пищей, и вещами.

Кстати, не могу умолчать о прокравшейся въ послѣдне время въ нѣкоторыя наши газеты легендѣ, будто въ праздникъ пуримъ евреи нанимаютъ христіанъ для исправленія обязанностей живого Гамана, которыхъ истязаютъ и чуть ли не избиваютъ до полусмерти. Ничего подобнаго нѣтъ и не бывало. Я жилъ въ самыхъ мрачныхъ центрахъ еврейства и никогда ни о чемъ подобномъ не слыхалъ, даже 50 лѣтъ тому назадъ, когда ни одинъ лучъ просвѣщенія не проникъ въ темную еврейскую жизнь, и когда наша русская жизнь не была еще такъ регламентирована, и всякія преступленія легко сходили съ рукъ.

Поводомъ къ этой злостной, пущенной въ печать, легендѣ послужилъ, вѣроятно, глупѣйшій, сохранившійся до сихъ поръ, обычай—топтать ногами и колотить въ колотушки при упоминаніи имени Гамана, при чтеніи, въ праздникъ пуримъ, въ молитвенныхъ домахъ и синагогахъ, священной книги Эсѳири. Если посторонній человѣкъ, не посвященный въ этотъ дурацкій обычай, случайно попалъ бы въ пуримъ на чтеніе названной книги въ синагогахъ и услышалъ бы этотъ дикій ревъ, этотъ шумъ отъ верченія колотушекъ, то онъ въ правѣ былъ бы подумать, что очутился въ сумасшедшемъ домѣ, или въ сборищѣ неистовыхъ фанатиковъ, способныхъ на всякое изувѣрство. Очень можетъ быть, что какой нибудь ревнивый не по разуму корреспондентъ случайно былъ свидѣтелемъ этого дурачества у евреевъ,—и у него разыгралась фантазія и дошла даже до ритуальнаго убійства...

Между тѣмъ евреи такъ невинно тѣшатъ себя проклятіемъ имени Гамана, такъ дѣтски глумятся надъ его памятью, что ихъ поступки могутъ возбудить только смѣхъ и жалость, но ничуть не гнѣвъ и обращеніе къ правительству и общественному мнѣнію о защитѣ христіанъ отъ избіенія ихъ евреями въ праздникъ пуримъ.

Возвращаюсь къ своему разсказу.

Такъ вотъ, въ праздникъ «пуримъ», мой будущій тесть Тонхумъ, прославъ мнѣ обѣщанные подарки, пригласилъ меня и моихъ родителей къ себѣ на пиръ. Мы явились. Насъ торжественно встрѣтили и посадили за столъ на самое почетное мѣсто. Столъ былъ накрытъ въ серединѣ комнаты и поразилъ насъ, бѣдняковъ, обиліемъ стоявшихъ на немъ яствъ: тутъ были всевозможныя рыбы подъ сладкими и кислыми соусами, и разныя жареныя птицы, и сладкіе торты и пирожки, и разныя водки, и наливки. У отца моего, который любилъ поѣсть, глаза разгорѣлись при видѣ такой роскоши. И только теперь, за этимъ столомъ, при полномъ освѣщеніи, я впервые разсмотрѣлъ, какъ слѣдуетъ, свою невѣсту, сидѣвшую противъ меня, нѣсколько наискосокъ. Въ этотъ вечеръ моя «будущая» даже понравилась, впрочемъ, лишь настолько, насколько вообще молодая скромная дѣвушка можетъ понравиться невинному восемнадцатилѣтнему мальчику, никогда не знавшему женщину... Подкупило меня еще и то, что невѣста моя была чисто одѣта, не робѣла, не жеманилась, была естественна. Мы часто встрѣчались глазами, но все же ни слова не проговорили другъ съ другомъ. Къ тому же я былъ занятъ диспутомъ съ ученымъ братомъ Тонхума, также приглашеннымъ на пиръ и сидѣвшимъ рядомъ со мною. Онъ все зондировалъ мои познанія въ талмудѣ, слегка экзаменуя меня. Я былъ въ ударѣ и бойко отвѣчалъ ему на вопросы, самъ задавалъ ученые вопросы, и какъ невѣста, такъ, въ особенности, Тонхумъ смотрѣли на меня съ гордостью, хотя ровно ничего не понимали въ нашемъ диспутѣ. Отецъ занятъ былъ ѣдою и никакого вниманія на насъ не обращалъ, а женщины тараторили между собою о своихъ маленькихъ дѣлишкахъ.

Пиръ, т.-е. ѣда и питье, кончился довольно поздно. На прощаньѣ мы съ невѣстой обмѣнялись только взглядомъ, руки другъ другу не подали, и даже слово: прощайте, или до свиданія,—не было произнесено. Я такъ и не видѣлъ ея больше до самой свадьбы.

Свадьба моя отпраздновалась не пышно, но и не бѣдно, было приглашено множество гостей. Украшеніемъ свадьбы былъ дядя—богачъ, удостоившій своимъ присутствіемъ весь свадебный церемоніалъ. Но онъ своимъ величіемъ только стѣснялъ приглашенныхъ гостей, которые были очень рады, когда онъ, послѣ церемоніи подношенія молодымъ подарковъ, удалился со свадебнаго пира. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что всѣ приглашенные, во время свадебнаго пира, при пѣніи и шумѣ, дарятъ, кто что можетъ, жениху за его ученую рѣчь. Вѣроятно, когда-то женихи говорили ученыя рѣчи за свадебнымъ столомъ и за это получали подарки; но въ мое время такихъ рѣчей уже не говорилось, да и не всѣ «женихи» могли сказать что нибудь путное, но обычай остался. Такимъ образомъ, получилъ ничтожные подарки и я, не произнесши ни единаго слова во весь вечеръ.

Впрочемъ, я какъ-то особенно ровнодушно отнесся къ великому событію. Равнодушно оставилъ я отчій домъ, чтобы отправиться къ вѣнцу (хупе—балдахинъ), безучастно, подъ хупе, послѣ молитвъ и благословеній, надѣлъ кольцо на палецъ невѣсты и произнесъ формулу вѣнчанія («ты мнѣ посвящена этимъ кольцомъ по закону Моисея и Израиля»), обошелъ, при пѣніи и молитвахъ, вокругъ жены 7 разъ, послѣ чего мы съ женою направились все пѣшкомъ къ дому ея отца, гдѣ я долженъ былъ прожить три года. Не трогала меня шумная встрѣча у тестя съ пѣніемъ и музыкой, не восторгался я «золотымъ бульономъ» (куринымъ), которымъ угощали меня сейчасъ послѣ вѣнчанія, и который я долженъ былъ ѣсть съ женой изъ одной тарелки, хотя, по еврейскому обычаю, я въ этотъ день постился и ничего не ѣлъ съ самаго утра. Наконецъ, мало веселилъ меня свадебный пиръ, на которомъ гости, повидимому, очень веселились. Была музыка, двѣ скрипки и контрбасъ, пѣлъ съ помощникомъ самъ ломжинскій канторъ, молодыя дамы и дѣвицы танцовали польки и кадрили—мужчины не танцовали. Среди шума и гама, въ страшной тѣснотѣ, былъ сервированъ свадебный столъ. Всѣ ѣли и пили много, пѣли и дурачились, но безъ особеннаго веселья. Я все время сидѣлъ рядомъ съ женой и никакого участія въ общемъ весельѣ не принималъ. Послѣ ужина жена куда-то исчезла. Вскорѣ образовался какой-то особенный танецъ изъ однихъ мужчинъ, которые подхватили и меня и затѣмъ, подъ мотоннымъ напѣвомъ: «берите, берите его», незамѣтно втолкнули меня въ отдѣльную комнату, гдѣ было приготовлено брачное ложе...

Семейная моя жизнь въ домѣ тестя потянулась, хотя и сытая, но крайне однообразная. Жена съ ранняго утра уходила въ лавку своего отца, въ которой она завѣдывала всѣмъ, рѣдко приходила къ завтраку, къ обѣду являлась на полчаса и возвращалась домой около 12 часовъ вечера. Я же цѣлые дни долженъ былъ проводить въ молитвенномъ домѣ и заниматься талмудомъ. Тесть мой все мечталъ, что изъ меня выйдетъ такъ же ученый раввинъ, какъ его другой зять, Лангъ, но я не завидовалъ славѣ моего свояка, о раввинствѣ не мечталъ, а все почти свое свободное время посвящалъ «запрещеннымъ книжкамъ», которыя въ Вильнѣ не трудно было достать.

Съ женой я ничего рѣшительно не имѣлъ общаго, хотя мы жили съ ней довольно любовно и согласно. У нея, кромѣ лавки своего отца, не было никакихъ умственныхъ интересовъ, она не имѣла ни малѣйшаго понятія объ окружающемъ мірѣ. Она умѣла читать и писать только по-еврейски, т.-е. на жаргонѣ, и будучи крайне набожной, читала только—и то лишь по субботамъ и праздникамъ—религіозныя книги, на половину ихъ понимая. Въ высшей степени честная натура, скромная, добрая, любящая, она достойна

была всякаго уваженія, но мнѣ въ 18 лѣтъ этого было недостаточно. Неудивительно, что я сталъ тяготиться сытой жизнью у тестя чуть ли не сейчасъ же послѣ медоваго мѣсяца...

Большимъ развлеченіемъ служило мнѣ участіе въ рукописной газетѣ, которую задумалъ издавать еженедѣльно кружокъ еврейскихъ молодыхъ людей, любителей просвѣщенія, которые пригласили и меня сотрудничать въ ней. Впрочемъ, наше изданіе скорѣе слѣдуетъ назвать литературнымъ сборникомъ, чѣмъ газетой, потому что въ ней не было ни политики, ни «злобы дня». Содержаніе ея ограничивалось мелкими стихотвореніями, разсказами, переводами съ иностранныхъ языковъ, философскими разсужденіями о матеріяхъ важныхъ, сатирами, анекдотами и шарадами. Всѣ мы писали подъ псевдонимами, но хорошо знали другъ друга. Каждый изъ сотрудниковъ обязанъ былъ переписать одинъ экземпляръ журнала для себя и одинъ для посторонняго подписчика. Я работалъ въ сборникѣ-газетѣ усердно, и вскорѣ мои товарищи признали во мнѣ великое еврейское свѣтило, готовое озарить весь міръ. Но я инстинктивно чувствовалъ, что я круглый невѣжда въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія и потому стремился къ пріобрѣтенію знанія хотя бы элементарныхъ предметовъ въ объемѣ гимназическаго курса.

Большимъ событіемъ въ виленской жизни, въ 1861 году, было пребываніе въ Вильнѣ, проѣздомъ въ Варшаву, императора Александра II. Событіе это радостно волновало все населеніе города. Евреи были столь же воодушевлены — если даже не больше — радостью видѣть своего царя, какъ и другіе слои виленскаго общества. Они строили свои тріумфальныя арки, украшали ихъ гирляндами и цвѣтами, выставляли на балконахъ свои оркестры музыки и на всемъ царскомъ пути до дворца, рядомъ съ привѣтствіями на русскомъ языкѣ, развѣвались флаги съ надписью на древне-еврейскомъ языкѣ. Наши руссификаторы въ настоящее время врядъ ли допустили бы подобную ересь.

Судя по себѣ, могу съ полной увѣренностью сказать, что евреи отъ полноты сердца, съ искреннимъ восторгомъ, встрѣтили любимаго государя, съ опасностью для жизни тѣснились и бѣгали за его коляской и восторженной грудью кричали «ура». Но замѣчательнѣе всего было то, что какъ лошади, запряженныя въ коляскѣ царя, такъ и кучеръ, были еврейскіе.

Извѣстный въ Вильнѣ еврей-лошадникъ, имѣвшій нѣсколько прекрасныхъ выѣздовъ, выпросилъ у надлежащихъ властей, какъ особую милость, предоставить себя и своихъ лошадей въ распоряженіе царя, безъ всякаго вознагражденія, и ему это было разрѣшено. Конечно, государь и не подозрѣвалъ, что должность кучера исполняетъ у него еврей, — не надо было видѣть гордость и счастіе этого послѣдняго, при исполненіи имъ своей обязанности! Энергія, восторгъ, блаженство такъ и сверкали въ его черныхъ,

какъ уголь, глазахъ. Въ позднѣйшее царствованіе, понятно, никому въ голову не пришло бы допустить еврея въ такую физическую близость къ русскому царю.

Да, радостные это были дни для Вильны. Такого подъема духа, такого чувства единенія со всѣми окружающими, евреи больше не переживали. Помню, какъ глубоко счастливъ былъ лично я, когда получилъ привѣтливый отвѣтъ государя на мой личный поклонъ. Дѣло вышло такъ. Въ присутствіи государя назначены были маневры, которымъ предшествовалъ большой смотръ собравшимся въ Вильнѣ войскамъ. Смотръ назначенъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Туда высыпало чуть ли не все населеніе Вильны. Желая также присутствовать на этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ и не имѣя денегъ на извозчика, я отправился на мѣсто смотра пѣшкомъ довольно рано. Когда я очутился за городомъ, меня настигъ царскій кортежъ. Я остановился. Какъ только царская коляска, запряженная четверкой чудныхъ сѣрыхъ, управляемыхъ упомянутымъ евреемъ, поровнялась со мною, я, понятно, снялъ шапку и низко поклонился государю. Императоръ, сидѣвшій рядомъ съ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ любопытствомъ, обворожительно улыбнулся и отвѣтилъ на мой поклонъ приложеніемъ руки къ каскѣ. Все это продолжалось одно лишь мгновеніе, но я былъ на вершинѣ блаженства: видѣть такъ близко царя, получить его улыбку и привѣтъ—это было что-то неземное для меня...

Это событіе такъ взволновало и воодушевило меня, что, вернувшись съ парада, я въ тотъ же день написалъ на древне-еврейскомъ языкѣ большое стихотвореніе-оду въ честь царя, въ которомъ въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ сравнивалъ Александра II съ солнцемъ, проливающимъ свой свѣтъ и на моря, и на гигантскія горы, и на лѣса, и на маленькаго червячка, въ которомъ я подразумѣвалъ себя. Тутъ же я выразилъ убѣжденіе, что царь-ангелъ будетъ милостивъ и къ обожающимъ его вѣрноподданнымъ евреямъ, и что для нихъ настанутъ свѣтлые дни.

Императоръ Александръ II былъ тогда крайне доступенъ и привѣтливъ со всѣми. Куда бы онъ ни пріѣзжалъ, его коляску сопровождала несмѣтная толпа христіанъ и евреевъ, изъ которыхъ многіе лично подавали ему прошенія, и никто ихъ не гналъ и не преслѣдовалъ. Государь принялъ во дворцѣ депутаціи отъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и еврейскую, въ которой участвовалъ и мой дядя-богачъ, и для которой у него нашлись высокомилостивыя слова, всѣхъ очаровавшія. Несмотря на то, что въ городскомъ театрѣ играла только польская труппа, государь посѣщалъ этотъ маленькій, незначительный театръ и, говорили, былъ въ восторгѣ отъ игры одной молодой артистки обворожительной кра-

соты, которая вскорѣ умерла отъ скоротечной чахотки, оплакиваемая всѣмъ польскимъ населеніемъ города.

Провожала Вильна своего государя такъ же сердечно и восторженно, какъ и встрѣчала. Отъ Вильны до Варшавы желѣзная дорога еще не была окончена, и государь уѣхалъ туда на лошадяхъ. Проводы были очень торжественные. Передъ дворцомъ выстроены были всѣ воспитанники виленскихъ учебныхъ заведеній съ учебнымъ начальствомъ во главѣ. Прежде чѣмъ сѣсть въ коляску, государь милостиво простился съ молодежью, которая провожала его съ умиленнымъ восторгомъ. Во всемъ этомъ участвовали виленскіе евреи, которые считали Александра II своимъ царемъ, видя въ немъ священнѣйшую особу, помазанника Божія, за котораго готовы были отдать свою жизнь...

Все это утверждаю, какъ очевидецъ, и теперь, судя по своимъ собственнымъ чувствамъ и побужденіямъ. Могу прибавить еще, что, живя среди самыхъ фанатическихъ евреевъ, считавшихъ обще-европейское образованіе величайшей ересью, преслѣдовавшихъ жестоко всѣхъ своихъ соплеменниковъ за малѣйшее отступленіе отъ еврейскихъ обычаевъ и жившихъ съ великой надеждой на возвращеніе въ Палестину и устройство тамъ, по обѣщанію пророковъ, новаго еврейскаго царства,—я никогда не слыхалъ изъ еврейскихъ устъ какой нибудь хулы, либо порицація русскому царю. Евреи, конечно, не могли быть довольны суровымъ режимомъ императора Николая I, отразившимся на нихъ особенно жестоко,—но какъ только послѣ мрачной, до крымской войны, эпохи выглянуло привѣтливое солнце, въ лицѣ Александра II, евреи также ожили, искренно за него молились въ своихъ синагогахъ и глубоко скорбѣли и возмущались противъ покушеній, впослѣдствіи, на жизнь глубоко любимаго своего царя...

Но возвращаюсь къ своимъ личнымъ дѣлишкамъ.

Живя на готовыхъ хлѣбахъ у своего тестя, я завелъ обширную переписку съ моимъ старшимъ братомъ—все на древне-еврейскомъ языкѣ. Надо сказать, что этотъ мой братъ, Савелій, кончившій блестяще курсъ ученія въ виленскомъ раввинскомъ училищѣ, получилъ мѣсто учителя еврейскаго училища въ Одессѣ, куда и уѣхалъ. Но это поприще дѣятельности его не удовлетворяло. Онъ вскорѣ бросилъ учительство, переѣхалъ въ Кіевъ, сдалъ экзаменъ изъ латинскаго языка и поступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ. Въ то время, когда я женился, братъ уже былъ на третьемъ курсѣ.

Такъ вотъ братъ въ письмахъ своихъ заронилъ мысль о томъ, что мнѣ слѣдуетъ подумать о другой жизни, что перспектива жить на шеѣ у тестя и затѣмъ сдѣлаться меламедомъ—не блестящая, что съ моими способностями я могу въ два-три года приготовиться къ университету, и что онъ готовъ всячески помочь мнѣ въ

этомъ. Мысль эта крайне меня прельщала, и я сталъ обдумывать, какъ ее осуществить. Ни женѣ, ни родителямъ я не смѣлъ и заикнуться о совѣтѣ брата: они считали бы его нарушеніемъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ и всѣми силами старались бы помѣшать осуществленію его. Тесть мой уже косился на меня и за то, что я иногда осмѣливался читать въ его присутствіи маленькія еврейскія книжки, хотя онъ и не зналъ содержанія ихъ. Что касается университета и студентовъ, о которыхъ онъ и малѣйшаго понятія не имѣлъ, то онъ считалъ ихъ разсадниками безбожія и прямыми отступниками отъ Іеговы и его святой торы. Мнѣ не съ кѣмъ было совѣтоваться. Положеніе мое затруднялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на 19-мъ году мнѣ вскорѣ предстояло сдѣлаться отцомъ семейства...

Тѣмъ не менѣе я мысленно уже рѣшилъ, что послѣдую совѣту брата. Жизнь въ домѣ тестя, несмотря на сильную любовь ко мнѣ жены, сдѣлалась для меня нестерпимой. Тайная моя переписка съ братомъ привела къ рѣшенію, что весною я долженъ бѣжать отъ жены и пріѣхать въ Кіевъ, гдѣ братъ нашелъ уже для меня убѣжище въ домѣ извѣстнаго въ Кіевѣ еврейскаго дѣятеля, К., который согласился дать мнѣ столъ и квартиру взамѣнъ уроковъ древне-еврейскаго языка одному изъ его сыновей.

Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію нашего плана было отсутствіе у меня денегъ на дорогу и паспорта. Приданое мое въ суммѣ 400 рублей лежало на храненіи у одного изъ еврейскихъ полубанкировъ, полукоммерсантовъ, отъ котораго безъ разрѣшенія родителей ничего нельзя было получить. Что касается паспорта, то его съ роду у меня не было. Я даже не былъ приписанъ ни къ какому обществу, и всѣ свои скитанія по городамъ Сѣверо-Западнаго края совершалъ безъ всякаго вида, котораго никто никогда и не требовалъ отъ меня.

Теперь, рѣшившись на бѣгство изъ Вильны, мнѣ необходимо было достать и деньги, и паспортъ. Послѣдній, впрочемъ, мнѣ удалось получить, но только на имя моего второго брата, Айзика, жившаго, какъ я уже говорилъ, въ Сморгони. Онъ былъ приписанъ къ маленькому еврейскому обществу, офиціально существовавшему гдѣ-то въ пяти-шести верстахъ отъ города Вильны. А такъ какъ и этотъ братъ никогда паспорта себѣ не требовалъ и женился, и проживалъ въ Сморгони безъ всякаго вида, то я этимъ воспользовался и выхлопоталъ себѣ паспортъ изъ сказаннаго общества на имя моего брата, что́ мнѣ обошлось всего въ нѣсколько рублей.

Имѣя уже въ рукахъ паспортъ,—то, что онъ былъ не на мое имя, меня нисколько не смущало,—я усиленно сталъ хлопотать о деньгахъ. Я желалъ получить изъ своего приданаго только тѣ 100 рублей, которые внесъ мой отецъ. Послѣ долгихъ мытарствъ мнѣ это наконецъ удалось. Мой «банкиръ» выдалъ мнѣ сто рублей

только съ разрѣшенія моего отца, но безъ вѣдома жены и тестя. Я ихъ хранилъ, какъ зѣницу ока, но недолго могъ хранить тайну; жена какъ-то узнала о хранящемся у меня капиталѣ, полученномъ отъ нашего банкира. Не помню уже, какъ я ей объяснилъ свой поступокъ, но о настоящей цѣли она, понятно, и не подозрѣвала.

Но вотъ однажды жена приходитъ изъ лавки и проситъ у меня на нѣкоторое время завѣтные сто рублей для своего отца.

— Не дамъ!—вырвалось у меня.

— Почему же дашь?—удивленно спросила жена.

— Такъ, не дамъ, и все тутъ.

— Да на что они тебѣ? Ты, стало быть, не вѣришь моему отцу?

— Я ему вѣрю, но деньги мнѣ самому нужны.

— Тебѣ столько денегъ нужно? Но на что же? Вѣдь живешь на всемъ готовомъ и никакихъ расходовъ не имѣешь.

— У меня есть комбинація, — началъ я врать, блѣднѣя и краснѣя.

— Какая?

— Послѣ узнаешь.

— Нѣтъ, скажи сейчасъ.

— Не хочу сказать—и все тутъ.

— Нѣтъ у тебя никакой комбинаціи. Дай деньги. Моему отцу можешь повѣрить сто рублей.

Я ей сдѣлалъ оскорбительный знакъ. Она страшно измѣнилась въ лицѣ и заплакала. За все время нашего сожительства мы ни разу не ссорились. Хотя у насъ не было никакихъ общихъ умственныхъ интересовъ, однако мы жили очень мирно и согласно. Я не могъ видѣть ея слезъ, досталъ изъ комода деньги, бросилъ ихъ на столъ и выбѣжалъ изъ комнаты, не сказавъ женѣ ни слова, я былъ внѣ себя отъ отчаянія. Планъ, который былъ такъ близокъ къ осуществленію, рухнулъ отъ глупѣйшей случайности. Я не зналъ, на что рѣшиться.

Между тѣмъ съ женой я помирился въ тотъ же день; мнѣ ее ужасно жаль было. Она была въ ожиданіи родовъ, и надо было ее щадить. Такъ прошло нѣсколько дней. Вдругъ я почувствовалъ себя нехорошо, у меня появился сильный жаръ, и я слегъ. Оказалось, что у меня корь. Все лицо покрылось струпьями — и на нѣкоторое время я совершенно ослѣпъ. Жена самоотверженно ходила за мною; но тутъ подоспѣли ея роды. Въ домѣ поднялась тревога; я лежалъ безпомощный; жена металась въ страшныхъ мукахъ; единственная прислуга въ домѣ выбилась изъ силъ. Но тутъ подоспѣла акушерка, явилась на помощь и моя мать, и неизбѣжное шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Послѣ мучительной ночи, послѣ раздирающихъ душу криковъ, все вдругъ затихло. Помню, точно сквозь сонъ, что мать моя подошла ко мнѣ, нагнулась къ самому моему уху и поздравила меня съ рожденіемъ дочери. Я не

выразилъ никакой радости по поводу этого событія, но былъ несказанно счастливъ, что кончились муки страдалицы, что наступила тишина.

Жена поправилась раньше меня, а когда наступило и мое выздоровленіе, я узналъ, что нашу дѣвочку отдали кормилицѣ, въ трехъ верстахъ отъ города, и, такимъ образомъ, я даже въ глаза не видѣлъ своего перваго ребенка.

Послѣ своего выздоровленія я бросилъ было совсѣмъ мысль о бѣгствѣ, мнѣ было очень жаль и жену, и ребенка, и я началъ было думать о возможности устроить другую жизнь въ Вильнѣ же. Но вскорѣ разумъ сталъ брать верхъ надъ чувствомъ. Убѣдившись, что въ родномъ городѣ, окруженный давившей меня сферой фанатизма, ничего путнаго не добьюсь, въ особенности же безъ средствъ и поддержки, я, воодушевленный письмами брата, снова и окончательно рѣшился бѣжать.

Но гдѣ взять деньги, хотя бы на дорогу? Желѣзной дороги изъ Вильны до Кіева еще тогда не было, и добраться до него было очень нелегко. Мои сто рублей все еще лежали въ оборотѣ у тестя, отъ котораго, не возбуждая подозрѣнія, я ихъ требовать не могъ. Мой «банкиръ», безъ разрѣшенія тестя и жены, больше денегъ не далъ бы мнѣ; нѣкоторые мои знакомые, посвященные въ мой планъ и одобрявшіе его, матеріальной поддержки не могли мнѣ оказать. Что дѣлать?

И вотъ я рѣшился на самый рискованный шагъ. У моей тещи, женщины простой и почти невмѣняемой, не игравшей никакой роли въ домѣ, было нѣсколько нитокъ порядочнаго жемчуга, котораго она никогда почти не на дѣвала, но которымъ иногда, по субботамъ и праздникамъ, украшалась моя жена, отправляясь на молитву. Жемчугъ стоилъ около 200 рублей, и подъ залогъ его легко было достать сто рублей. Онъ всегда лежалъ въ незапертомъ комодѣ, и я во всякое время могъ добыть его.

Узнавъ предварительно, что подъ жемчугъ мнѣ дѣйствительно выдадутъ сто рублей, я назначилъ себѣ день бѣгства. Не помню, по какимъ соображеніямъ я выбралъ воскресный день. Гораздо удобнѣе было бы, казалось, уѣхать въ послѣдніе дни недѣли, т.-е. до субботы, когда ни жена, ни теща жемчуга не надѣвали. Между тѣмъ я имѣлъ дерзость заложить его въ четвергъ, почему весь субботній день, наканунѣ моего бѣгства, я былъ въ страшной тревогѣ, не обнаружится ли отсутствіе жемчуга. Я блѣднѣлъ и дрожалъ каждый разъ, когда жена или теща ходили за чѣмъ нибудь въ комодъ: вотъ-вотъ спохватятся жемчуга, и все погибло. Но прошла суббота, жемчугъ не понадобился, и я успокоился.

Сдѣлавъ всѣ приготовленія къ бѣгству, я наканунѣ субботы отправился пѣшкомъ за городъ, отыскалъ женщину, у которой находилась моя дѣвочка. Ей было тогда около двухъ мѣсяцевъ, и я

впервые ее увидѣлъ. При видѣ ея улыбки, во мнѣ пробудилось нѣчто въ родѣ родительскаго чувства и угрызенія совѣсти, но въ мои 19 лѣтъ все это легко улетучилось.

Утромъ въ день моего бѣгства я, по обыкновенію, отправился въ мелитвенный домъ на утреннюю молитву, забралъ съ собою «уфиликъ» (кожаныя коробочки, въ которыхъ хранятся писанные на пергаментѣ нѣкоторые стихи Пятикнижія), надѣваемый въ будніе дни на лобъ и на лѣвую руку, думая, что мнѣ придется молиться по еврейскому обряду. «Талесъ» же (тонкая шаль изъ чистой шерсти, къ четыремъ концамъ которой придѣланы цицисъ, шерстяные же узлы, имѣющіе символическое значеніе) я оставилъ въ молитвенномъ домѣ, потому что онъ не такъ обязателенъ при совершеніи молитвы.

Вернувшись домой, я, какъ и всегда, позавтракалъ съ женой, которая сейчасъ же отправилась въ отцовскую лавку, не подозрѣвая, разумѣется, что мы долго не увидимся... Не помню теперь, что я перечувствовалъ въ эту минуту. Но, должно быть, я неособенно волновался, или же сумѣлъ скрыть свое волненіе, если жена не замѣтила ничего выходящаго изъ ряда ни на моемъ лицѣ, ни въ моихъ движеніяхъ.

По уходѣ жены я спокойно забралъ съ собою деньги и паспортъ, надѣлъ осеннее пальто на лѣтнюю пару, хотя было очень жарко на дворѣ, спокойно вышелъ изъ дома и отправился пѣшкомъ на вокзалъ желѣзной дороги, предварительно оставивъ письмо на имя отца, въ которомъ откровенно сообщилъ ему, что уѣзжаю въ Кіевъ, что рѣшился учиться и поступить въ университетъ, что заложилъ жемчугъ, принадлежащій тещѣ, за сто рублей, который во всякое время можно выкупить, и что не совѣтую никому гнаться за мною, потому что мое рѣшеніе безповоротно.

Боясь, однако, что за мною погонятся, и что попадутъ на мой слѣдъ, я рѣшился поѣхать въ Кіевъ окольными путями: на Ковно, Сувалки, Гродно и Пинскъ, а оттуда водою, по Припети и Днѣпру, въ Кіевъ. Желѣзная дорога была только до Ковна. Прибывъ на вокзалъ, я оглядывался во всѣ стороны, опасаясь встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ. Въ каждомъ жандармѣ я подозрѣвалъ преслѣдователя, а потому не рѣшался подойти къ кассѣ взять билетъ. Къ счастію, явился мой другъ, посвященный въ мою тайну, который взялъ для меня билетъ. Я наскоро попрощался съ нимъ, сѣлъ въ вагонъ и съ сердечнымъ трепетомъ сталъ ждать третьяго звонка, который, какъ казалось мнѣ, нарочно медлилъ съ цѣлью дать возможность задержать меня. Но вотъ, наконецъ, ожидаемый звонокъ раздался, кондукторъ далъ свистокъ, поѣздъ тронулся, и я свободно вздохнулъ.

Мнѣ трудно передать то чувство, которое завладѣло мною по отъѣздѣ изъ Вильны. Кончилась цѣлая полоса жизни, и началась

новая, совершенно мнѣ неизвѣстная. Мнѣ было и радостно, что бѣгство удалось, и жутко передъ грознымъ будущимъ, и грустно, что пришлось бросить семейный очагъ и причинить горе и страданіе близкимъ людямъ, и страшно, что меня могутъ остановить. Но я былъ слишкомъ молодъ, и сознаніе, что я вырвался изъ мрака къ свѣту, окрыляло меня и успокоило.

Черезъ два съ чѣмъ-то часа я уже былъ въ Ковнѣ. Зная, гдѣ проживаютъ балагуле (евреи, занимавшіеся перевозомъ пассажировъ изъ города въ городъ на своихъ лошадяхъ и въ своихъ экипажахъ), я прежде всего отыскалъ такового и сговорился съ нимъ о поѣздкѣ въ Сувалки. Но онъ могъ собрать всѣхъ пассажировъ и выѣхать лишь вечеромъ. Пришлось ждать около семи часовъ. Не зная, что съ собою дѣлать, я вздумалъ посѣтить одного моего полузнакомаго молодого еврейскаго поэта, Исеръ-Бера, Вольфа котораго я зналъ еще во время моего скитальчества въ Ковнѣ и въ котораго былъ буквально влюбленъ.

Плѣнилъ онъ меня, во-первыхъ, своей необыкновенной миловидностью и изяществомъ; во-вторыхъ, безукоризненнымъ европейскимъ платьемъ—его родители были очень состоятельные люди—и, въ-третьихъ, крайне симпатичнымъ поэтическимъ талантомъ. Еще будучи юношей лѣтъ 15—16, онъ помѣщалъ свои стихотворенія на древне-еврейскомъ языкѣ въ газетѣ «Гомагидъ» (см. выше), которыя приводили меня въ восторгъ. Впослѣдствіи имя молодого поэта сдѣлалось знаменитымъ среди евреевъ. Понятно, что, кропая самъ стишки, но не удостоившись видѣть ни одного изъ нихъ въ печати, я смотрѣлъ съ благоговѣніемъ и завистью на Вольфа, какъ на счастливѣйшаго избранника музъ. Такъ какъ отецъ его былъ прихожаниномъ молитвеннаго дома Гирша Несвижскаго, то мнѣ часто приходилось встрѣчать такъ юнаго поэта и послѣ долгихъ стараній удалось представиться ему и показать свои стихи. Вольфъ, какъ настоящій поэтъ, былъ очень деликатенъ со мною, поощрялъ меня на литературномъ поприщѣ вообще, снабжалъ меня книжками, но не особенно сблизился со мною, на что я и претензіи не имѣлъ.

Но вотъ теперь, въ качествѣ женатаго человѣка и искателя просвѣщенія, одѣтый довольно чисто и прилично, я рѣшился посѣтить Вольфа въ домѣ его родителей, на что я раньше не дерзалъ. Молодой поэтъ былъ дома. Онъ принялъ меня весьма любезно, но сдержанно, выслушалъ внимательно мою исповѣдь, похвалилъ за стремленіе къ общеевропейскому образованію, но не одобрялъ ни моего бѣгства, ни обмана, къ которому я прибѣгнулъ, и высказалъ глубокое сожалѣніе къ судьбѣ моей бѣдной жены и ребенка... Я ушелъ отъ него сконфуженный, но успокоенный отчасти обѣщаніемъ Вольфа вести со мною литературную переписку. Когда, впослѣдствіи, живя уже въ Кіевѣ, я получилъ отъ него

отвѣтъ на мое письмо, то былъ истинно счастливъ, безконечное число разъ перечитывалъ его посланіе ко мнѣ и до сихъ поръ храню его два письма (ихъ только всего и было), хотя черезъ четыре года я встрѣтился съ Вольфомъ, при другой совершенно обстановкѣ, и наши дороги въ жизни круто разошлись.

Вечеромъ того дня, послѣ обычныхъ безконечныхъ препятствій и проволочекъ, нашъ «балагуле» составилъ свой «поѣздъ», и мы тронулись въ путь.

Не помню ни своихъ попутчиковъ,—а ихъ было человѣкъ восемь,—ни какихъ либо дорожныхъ впечатлѣній. Несмотря на то, что стояла чудная весна, что по дорогѣ встрѣчались, вѣроятно, восхитительныя мѣстности, я не испытывалъ никакого восторга отъ окружающей природы. Между тѣмъ, впослѣдствіи, я сдѣлался весьма чуткимъ къ красотамъ природы и восторгался ими, какъ поэтъ. Видно, что сама природа чаруетъ человѣка только послѣ культурнаго его воспитанія. Безъ культуры самыя могучія чары природы не оставляютъ никакого слѣда въ человѣческой душѣ. Поэтому ни коренные жители деревни, ни малокультурные горожане, ни въ особенности темные и забитые евреи не понимаютъ чаръ природы и не восхищаются ея красотою.

Впрочемъ, быть можетъ, что моя тогдашняя тупость впечатлѣнія была вызвана постояннымъ угнетеннымъ состояніемъ духа, угрызеніемъ совѣсти и неизвѣстнымъ будущимъ. До красотъ ли природы мнѣ было тогда?!.

Въ Сувалки мы прибыли черезъ два дня. Здѣсь, не отдыхая, я взялъ мѣсто у другого балагуле до Гродна, куда мы пріѣхали черезъ три дня. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы доѣхать изъ Вильны до Гродна по желѣзной дорогѣ въ 4 часа, я пробылъ въ пути пять сутокъ... Въ Гроднѣ пришлось остановиться на два дня, потому что въ пятницу, наканунѣ субботы, ни одинъ балагуле не соглашается предпринимать далекій путь.

Гродно, какъ одинъ изъ главныхъ центровъ сѣверо-западнаго еврейства, поражалъ меня своей бѣдностью, скученностью и жалкой своей торговлею. Вильно, какъ извѣстно, также не отличается ни богатствомъ своего населенія, ни красотою домовъ, ни гигіеническими условіями. Но, какъ родной мой городъ, онъ не казался мнѣ никогда такимъ нищенскимъ. Подкупаетъ Вильно еще тѣмъ, что это—столица Литвы, что здѣсь пребываетъ генералъ-губернаторъ, что здѣсь узелъ желѣзныхъ дорогъ,—не говоря уже о чудныхъ, безподобныхъ окрестностяхъ.

Ничего этого нѣтъ въ жалкомъ Гроднѣ. Я никакъ не могъ постигнуть, чѣмъ питается его сорокатысячное населеніе, какъ существуетъ и какъ ухитряется еще имѣть множество благотворительныхъ учрежденій.

Проскучавъ весь субботній день въ ахсанье (постоялый дворъ), такъ какъ въ Гроднѣ нѣтъ никакихъ достопримѣчательностей, ко-

торыя стоило бы осмотрѣть, я вечеромъ того же дня двинулся въ дальнѣйшій путь, въ Пинскъ. Балагуле, т.-е. цѣлаго «поѣзда», отъ Гродна до Пинска не составлялось, а потому мнѣ пришлось нанять «одиночку», крытую рогожей телѣжку, запряженную въ одну лошаденку, разумѣется, у еврея же, взявшагося доставить меня до Пинска въ теченіе 6 дней. Какъ ни тоскливо и неудобно было подобное путешествіе, но другого выбора не было.

Прелесть его сказалась въ слѣдующую же ночь. Когда мы проѣзжали черезъ громадный, густой лѣсъ, насъ настигла страшная гроза. Въ нѣсколько минутъ по узкой, проселочной дорогѣ образовался глубокій ручей; ослѣпительныя молніи и раскаты грома чередовались безпрерывно; дождь лилъ цѣлыми потоками. Несчастная лошаденка остановилась, понуривъ голову; столь же несчастный возница, промокши до костей, забрался ко мнѣ въ бричку, которая, впрочемъ, плохо защищала отъ ливня. Такія минуты, при такой обстановкѣ, ночью, среди темнаго лѣса, я переживалъ впервые,— и мнѣ казалось, что самъ карающій и грозный Богъ Израиля преслѣдуетъ меня лично за побѣгъ отъ жены и за намѣреніе осквернiться европейскимъ просвѣщеніемъ...

На шабашъ, т.-е. въ пятницу въ полдень, мы наконецъ прибыли въ Пинскъ. Какимъ грязнымъ и убогимъ казался мнѣ тогда этотъ уѣздный городъ! На улицахъ кипѣло, какъ въ муравейникѣ. Кромѣ евреевъ, казалось, никого въ городѣ не было. Всѣ въ длинныхъ, рваныхъ, засаленныхъ балахонахъ, съ длинными, болтающимися пейсами, въ какихъ-то особенныхъ еврейскаго покроя картузахъ. Лица у всѣхъ измученныя, испуганныя, отталкивающія; ни на комъ не видно и тѣни улыбки; всѣ куда-то свѣшатъ, бѣгутъ; еврейскій жаргонъ нараспѣвъ рѣжетъ уши. Въ особенности раздражаетъ визгъ евреекъ-торговокъ, старыхъ, грязныхъ, въ лохмотьяхъ, но въ парикахъ и чепцахъ. Все это возбуждаетъ отвращеніе, и въ то же время вызываетъ невольную жалость къ этой нищей массѣ, цѣпляющейся за жизнь, работающей и рыскающей съ утра до ночи, чтобы насытить свои голодные желудки и покрыть свою голытьбу. И въ который уже разъ возникалъ у меня вопросъ: чѣмъ же живетъ эта многомилліоная толпа, какъ сводитъ концы съ концами, какія у нея цѣли и стремленія? Но неопытный умъ, не имѣя никакого понятія о жизни народовъ, о государственномъ строѣ, о политической экономіи, не находилъ отвѣта на эти вопросы.

Въ Пинскѣ у меня былъ дальній родственникъ. Узнаю, гдѣ онъ живетъ, и отправляюсь съ нему. Родственникъ, сравнительно, довольно зажиточный человѣкъ, но, какъ и всѣ евреи въ Пинскѣ, страшный фанатикъ, встрѣчаетъ меня съ удивленіемъ, узнавъ, что я ѣду въ Кіевъ. Но я выдумалъ фантастическій предлогъ поѣздки, которому онъ повѣрилъ, и я получаю приглашеніе «на субботу». Я принимаю приглашеніе съ благодарностью, прошу со-

дѣйствія моего родственника къ дальнѣйшему путешествію, которое мнѣ и обѣщаютъ. Провожу у родственника весь субботній день въ молитвахъ, ѣдѣ и бесѣдѣ о божественныхъ предметахъ. Между прочимъ, этотъ родственникъ доказывалъ мнѣ величіе еврейской религіи вообще и незыблемость субботняго дня въ особенности тѣмъ, что, какъ христіане, такъ и магометане, эти двѣ всемірныя религіи, выросшія на почвѣ еврейства, празднуютъ день отдыха въ ближайшіе отъ субботы дни: первые—въ воскресенье, а вторые—въ пятницу.

— Вотъ не хотѣли основатели этихъ религій праздновать день отдыха одновременно съ евреями, однако не посмѣли отступить далеко отъ субботы!—побѣдоносно говорилъ мой родственникъ:—не посмѣли назначить, вмѣсто субботы, среду либо четвергъ, а вотъ все вертѣлись около субботы...

Я, глубоковѣрующій еще тогда еврей, не имѣвшій никакого понятія ни о христіанствѣ, ни о магометанствѣ, съ благоговѣніемъ слушалъ моего ученаго родственника и еще больше проникся вѣрою въ святость субботы,—но, увы! не надолго...

Не помню никакихъ подробностей о путешествіи моемъ на пароходѣ изъ Пинска до Кіева, хотя мнѣ впервые пришлось ѣхать на пароходѣ. Смутно только помню, что мы нѣсколько дней плыли по Припети, миновали Пинскія болота, вошли въ Днѣпръ, не представляющій вплоть до Кіева никакихъ живописныхъ мѣстностей, и потому не оставившій въ моей памяти никакихъ впечатлѣній.

А. Г.